

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

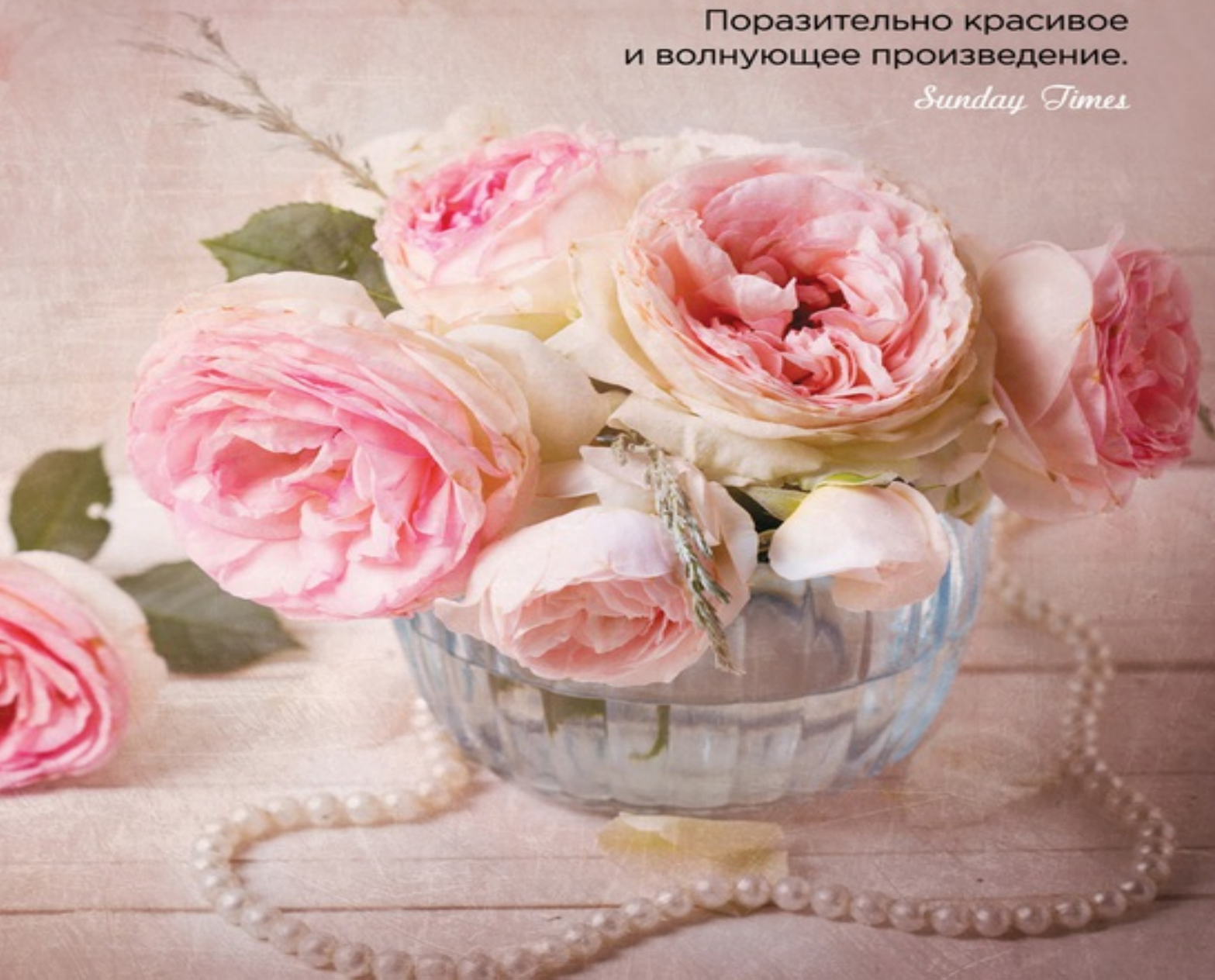
САРА ДЖИО



Лунная тропа

Поразительно красивое
и волнующее произведение.

Sunday Times



Annotation

Джун Андерсен получает в наследство от тетушки Руби легендарный книжный магазин «Синяя птица». Вскоре она обнаруживает среди книг уникальные письма – свидетельство давней дружбы между Руби и знаменитой писательницей Маргарет Уайз Браун. Поскольку магазин на грани разорения, Джун решает спасти его с помощью находки. Она обращается за помощью к Гэвину, хозяину находящегося по соседству с «Синей птицей» ресторанчика. Кажется, вместе у них есть шанс, но у Джун немало секретов, и довериться Гэвину оказывается не такто просто.

Сара Джо

Лунная тропа

Sarah Jio

GOODNIGHT JUNE

Copyright © 2014 by Sarah Jio

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016»

* * *

Авторское примечание

Помните ли вы, как прочли впервые «Баю-баюшки, луна»? Многие открывают для себя эту книгу еще в детстве (и таких, я полагаю, бесчисленное количество, ведь с момента ее выхода в свет, в 1947 году, было распродано 14 миллионов экземпляров!)^[1]. Но сама я долгое время была знакома с этой историей лишь понаслышке – до тех пор, пока не получила ее в качестве подарка на рождение ребенка. Помню, как впервые прочла ее своему старшему сыну, Карсону. Нас обоих просто очаровало это повествование – настоящая колыбельная – о маленьком крольчонке, который укладывается спать. Как приятно было читать эти строки в конце шумного дня (неудивительно, что очень скоро я выучила их наизусть). Вечер за вечером мы с радостью возвращались в «большую зеленую комнату».

В скором времени к нам с Карсоном присоединились два моих младших сына. У каждого появилась своя любимая страница, и все трое обожали искать мышку. За эти годы мы настолько свыклись с книжкой, что стали называть ее «Лунной книгой». Не будет преувеличением сказать, что история обрела столь же прочное место в нашем доме, как и в наших сердцах.

Как-то раз я написала для журнала «Пэрентин» небольшую пародию на «Луну». В то время я и подумать не могла, что на сайте журнала ее страница станет одной из самых посещаемых. Даже сейчас, спустя полвека после выхода в свет, «Баю-баюшки, луна» продолжает очаровывать новых читателей.

Если мне очень нравится книга, я стараюсь побольше узнать о ее авторе. Потому я занялась изучением жизни Маргарет Уайз Браун. Мне хотелось получше познакомиться с этой замечательной детской писательницей, которая успела написать больше сотни разных историй до своей преждевременной смерти в 1952 году, когда ей было всего сорок два!

Я прочла все доступные мне материалы и обнаружила, что у нас с Маргарет много общего. Она была такой же неумной и целеустремленной, как и я (качества, определяющие автора плодотворного, но терзаемого все новыми и новыми идеями). Подобно мне, Маргарет была мечтательницей. Облако, очертаниями похожее на кролика, могло вдохновить ее на новую книгу, а путешествие на лодке к островку возле дома – на целую серию новых историй.

Маргарет отличала невероятная творческая энергия. Не сомневаюсь, что способность творить была в ее жизни главной движущей силой. Свои истории она черпала буквально отовсюду. Бывало и так, что утром, только-только проснувшись, она записывала идеи для новой книги, пришедшие к ней во сне.

По себе знаю, что такое свойство сознания и окрыляет, и сводит с ума (только представьте, что вы с головой ушли в новую книгу, а вам в уши что-то постоянно нашептывают герои еще не рожденных историй!). Мой друг и коллега, Кэрол Кассела, которая является по совместительству врачом-анестезиологом, в шутку называет такое состояние «хроническим недугом». К счастью или нет, но в этом мы с Маргарет очень похожи.

Маргарет, совершенно беспомощная в вопросах любви, отличалась тем не менее несомненной деловой хваткой. Она твердо отстаивала как собственные интересы, так и интересы своих друзей-иллюстраторов, поскольку была не из тех, кто готов удовольствоваться чем-то второсортным.

Мне нравятся эти ее черты. При всей своей решительности и энергичности Маргарет умела быть мягкой и добросердечной. А еще – на редкость импульсивной. Говорят, как-то раз она потратила огромную сумму на цветы – сотни и сотни цветов. Просто выкупила на улице Нью-Йорка целую тележку с цветами. Ими она украсила свой дом и устроила для друзей замечательную вечеринку.

Неудивительно, что Маргарет Уайз Браун оставила о себе столь яркую память. Но из-за своей преждевременной смерти многие ее секреты остались неразгаданными. Никто точно не знает, что подтолкнуло ее к написанию «Баю-баюшки, луна». Считается, что весь стишок она написала за одно-единственное утро в своем нью-йоркском доме. Я попыталась представить, что могло бы натолкнуть ее на создание этой замечательной детской книжки, и мое воображение тут же заработало на полную мощность.

Так, понемножку, начали прорисовываться герои моей будущей книги. Джун Андерсен, служащая банка из Нью-Йорка, здоровье которой заметно пошатнулось из-за напряженной работы, и ее тетушка Руби, оставившая любимой племяннице дело всей своей жизни – легендарный книжный магазин «Синяя птица». Магазин этот полон секретов, и очень скоро Джун обнаруживает старые письма – свидетельство давней и глубокой дружбы между ее тетей и Маргарет Уайз Браун. Эта дружба оказала заметное влияние на творчество знаменитой писательницы.

Но хоть я приветствовала сам факт того, что Маргарет Браун стала для меня источником вдохновения, мне хотелось, чтобы центральное место в этой книге занимала моя героиня, Джун. В конце концов, это было историей *ее* жизни. Требуется немало мужества, чтобы оставаться ранимой, смотреть в лицо совсем не безмятежному прошлому, раз за разом пытаться начать все заново – в том числе заново любить. Вот и Джун придется решать для себя все эти вопросы. И когда книжный магазин ее тетушки окажется на грани разорения, судьба его целиком и полностью окажется в руках Джун. Удастся ли ей спасти это место и его тайны? Удастся ли ей спасти саму себя?

Маргарет Уайз Браун ушла из этого мира за двадцать шесть лет до моего рождения. И хотя пути наши никогда не пересекались, я часто размышляла о том, какой могла бы быть наша встреча. Например, мы могли бы посидеть за чашечкой кофе (а может, и коктейля, что наверняка понравилось бы Маргарет) и поговорить о творчестве, о кроликах и трех маленьких мишках, удобно устроившихся на стульях. Словом, обо всем. Мы бы шутили и обменивались историями, и я непременно рассказала бы ей о том, что мой четырехлетний сын Рассел обожает ее книгу «Пёс-моряк». Мы поговорили бы о плачевной судьбе книжных магазинов из кирпича и камня в эпоху цифровых устройств и о том, как трудно привить детям любовь к чтению, когда вокруг полно видеоигр, телепередач и прочих заманчивых штучек. Я бы выразила ей свое восхищение по поводу той истории с цветами (если бы осмелилась упомянуть об этом) и поблагодарила бы за столь яркую жизнь, которая стала для меня источником вдохновения.

Да что там, одного ее присутствия было бы достаточно, чтобы привести меня в полный восторг.

С. Дж.

Глава 1

Нью-Йорк, 3 мая 2000 г.

У каждого есть свое счастливое местечко. Сцена, которая сразу же всплывает перед глазами, стоит вам зажмуриться и перенестись мысленно в ту точку земного шара, где жизнь окутывает вас теплом и уютом. Для меня это книжный магазин с его изумрудно-зелеными стенами и огромными окнами, которые служат по ночам рамкой для приветливо подмигивающих звезд. В камине еще пылают угольки, напоминающие по цвету закатное солнце, а сама я сижу перед камином, закутавшись в плед, и с увлечением читаю книгу.

– Джун?

Я быстро открываю глаза, и пронзительно-белый цвет больничных стен возвращает меня к реальности. Простыню, которой я укрываюсь, крахмалили так часто, что она стала похожа на жесткий лист бумаги, и я вздрагиваю от холода, когда медсестра сжимает мое запястье своими ледяными руками.

– Прости, что пришлось разбудить, – говорит она, закрепляя на моей руке манжет. Сейчас мне будут мерить давление.

Пока она привычными движениями сжимает грушу, я рассматриваю тату на ее руке – бабочку с фиолетово-розовыми крылышками – и мысленно возношу благодарность себе семнадцатилетней. В то время я тоже была близка к тому, чтобы наколоть на лодыжке фигурку дельфина, но в последний момент все-таки передумала.

Пальцы медсестры тянут манжет за липучку, ее лицо кажется недовольным.

– Высокое. Слишком высокое для женщины вашего возраста, – замечает она. – Наверняка доктор Кейтер захочет побеседовать с вами об этом.

При виде этого сурового лица мне хочется крикнуть: «Да я вегетарианка! Я бегаю каждое утро! Я уже два года не позволяю себе ни одного десерта!» Но тут звякает мой мобильный, и я быстро хватаю его с кровати. Сообщение от Артура, моего начальника.

«Ты где? Если не ошибаюсь, ты собиралась поработать над отчетом за второй квартал?»

Сердце у меня начинает колотиться с удвоенной силой, и я делаю пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Само собой, Артур не знает, что я в больнице. Никто не должен об этом знать. Медсестра пытается что-то сказать, но я раздраженно машу рукой, а затем усаживаюсь поудобнее, чтобы написать ответ. «Отвлеклась на другой проект, – печатаю я. – Скоро буду». Другой проект – это мое паршивое физическое состояние. Досадно, когда тебя подводит собственное тело.

На стене висят часы. Время перевалило за восемь. Сюда я попала еще в полдень – с высоким давлением. Опасно высоким, так мне сказал врач. «Это что, сердечный приступ?» – поинтересовалась я. Весь последний месяц меня донимали неприятные симптомы, но сегодня, за деловым обедом – я и двенадцать мужчин в строгих костюмах, – у меня вдруг закружилась голова и затошнило. Ладони начало как-то неприятно покалывать. Разумеется, я не могла позволить, чтобы меня видели в таком состоянии, и ушла, предварительно извинившись. Сказала, что мне нужно срочно вернуться в офис. Вот только в офис я так и не заглянула. Села в такси и отправилась в больницу.

Теперь я лежу с капельницей, из которой в мою кровь медленно попадают лекарства. А ведь мне всего тридцать пять! Я нервно выскиваю взглядом свою сумку. *Нужно поскорее выбираться отсюда.*

Как раз в тот момент, когда я встаю, дверь открывается, и в палату входит пожилой человечек в белом халате.

– Куда это вы собрались, мисс Андерсен? – хмурится он.

Будь он хоть трижды доктор, мне решительно не нравится его тон.

– Мне уже гораздо лучше, – заявляю я, пытаюсь самостоятельно разобраться с проводками от капельницы. – А на работе меня ждут неотложные дела.

Доктор подходит ближе и кладет на столик мою карту. Судя по всему, он вовсе не горит желанием поскорее выписать меня из больницы.

– Что для этого требуется? – спрашивает он.

Я смотрю на него в полной растерянности.

– Что вы имеете в виду?

– Что нужно для того, чтобы вы хоть немного сбавили темп?

– Замедлила темп? Я вас не понимаю.

– Я прочел записи в вашей карте, – кивает он на столик.

По просьбе принимавшего меня врача я вкратце описала свой обычный день: подъем в пять утра, в семь уже в офисе (после пробежки в шесть-семь миль), а затем работа, работа и работа... До восьми, а порой и до девяти вечера (а зачастую еще дольше).

И что с того? Я – *вице-президент* крупного банка, самый молодой вице-президент в истории банка «Чейз и Хансон», на который работают восемь тысяч служащих во всем мире. Начальство должно видеть, что я не зря занимаю свое место. К тому же я хорошо справляюсь с работой. Пожалуй, это единственное, с чем я хорошо справляюсь.

– Послушайте, доктор...

– Доктор Кейтер.

– Доктор Кейтер. – Я говорю тем доверительным тоном, который использую обычно в разговоре со строптивыми должниками. – Я ценю вашу заботу, но со мной все будет в порядке. Выпишите мне лекарства, и проблема решится сама собой.

– Не все так просто, – замечает он. – Как я понял, мисс Андерсен, у вас время от времени немеют ладони.

– Я много бегаю, а в Нью-Йорке с утра не слишком жарко.

– Не думаю, что это от холода, – качает головой доктор. – Похоже на признаки панического расстройства.

– Простите, *какого* расстройства?

– Панического, – повторяет он. – Ваш организм, судя по всему, испытывает сильнейший стресс и реагирует на него подобными отключениями.

– Не может быть. – Я решительно стягиваю ленту, которая удерживает на месте иглу. – Я знаю, вы намекаете на то, что я чокнутая, но это неправда. Может, другие в моей семейке и не в полном порядке, но обо мне такого не скажешь... Вы можете мне снять эту штуку или мне просто выдернуть иглу?

Доктор Кейтер печально качает головой.

– Мы не можем задерживать вас тут против вашей воли, – вздыхает он. – Пообещайте хотя бы, что постараетесь притормозить. Такими темпами вы очень скоро загоните себя в могилу.

Мой телефон вновь звякает. Ну что этот доктор знает обо мне? Ровным счетом ничего.

– Все, что угодно, лишь бы поскорее выбраться отсюда, – пожимаю я плечами.

Доктор Кейтер с видимой неохотой убирает капельницу, а затем протягивает мне листок бумаги.

– Я выписал вам бета-блокаторы. Они хотя бы отчасти нейтрализуют те нервные сигналы, которые вызывают беспокойство. Принимайте эти лекарства в течение нескольких месяцев. И я настоятельно рекомендую вам разгрузить себя. Поменьше физических упражнений, не столь интенсивные нагрузки на работе. В конце концов, возьмите отпуск.

Я с трудом сдерживаю смех. Человеку моего положения и в голову не придет уйти в отпуск. Лиза Мелтон, наш новый вице-президент, отпросилась на неделю после свадьбы, и то начальство посмотрело на это довольно косо. Когда вы достигаете определенных вершин, от вас ждут, что вы будете жить и дышать одной только работой. Так уж оно сложилось.

– Я ценю вашу заботу, – повторяю я, хватаясь за сумочку и пальто, – но мне и правда нужно идти.

* * *

– Наконец-то, – по губам Артура скользит едва заметная усмешка. – Я уж думал, больше тебя не увижу.

Мой босс – умный и циничный тип, но я-то знаю, что под этой малопривлекательной оболочкой таится доброе сердце. Или какое-то подобие его. Не зря же я сказала однажды Артуру, что он – самый симпатичный сукин сын из всех, с кем мне доводилось встречаться.

– Прости, что ушла прямо во время обеда, – промямлила я. – Просто я... у меня... Словом, неважно себя почувствовала.

– Женские проблемы?

– Да нет же, – поморщилась я. – Обещаю, что впредь ничего подобного не повторится.

Взгляд Артура обретает привычную цепкость.

– А что это на тебе надето?

Только тут я понимаю, на кого стала похожа после восьми часов, проведенных на больничной койке. Встрепанные волосы. Расплывшийся макияж. Я поплотнее запахиваю пальто, под которым нет ничего, кроме больничной пижамы.

– Я приехала прямо из дома, и у меня не было времени... переодеться.

– Ладно, – пожимает плечами Артур, – пора браться за работу.

Он выкладывает на стол целую кипу папок.

– Это все неплательщики. За кого возьмемся в первую очередь?

Я беру верхнюю папку, на которой напечатано: АТЕЛЬЕ САМАНТЫ. Я уже давно перестала переживать из-за тех мелких собственников, которые не в состоянии свести концы с концами. А поначалу было безумно трудно выступать в роли карающей руки, которая способна в один миг перечеркнуть весь семейный бизнес. Никогда не забуду первого своего поручения. Я плакала, когда мне пришлось везти в Новый Орлеан бумаги, согласно которым вся собственность переходила за долги нашему банку. Речь шла о кафе, которое открылось здесь еще в начале XX века. Излюбленное местечко нью-орлеанских старожилов. Меня встретила хозяйка, пожилая уже женщина, унаследовавшая это кафе от своего отца. Когда-то, в далеком 1959-м, здесь обедал сам Джон Кеннеди. По стенам были развешаны фотографии Эллы Фицджеральд, Джуди Гарленд, Луи Армстронга – разумеется, все с автографами. Хозяйка принесла мне кофе и заварные булочки. До сих пор помню, как дрожали мои руки,

когда я вручала ей конверт с этими ужасными бумагами.

Потом уже стало полегче. К каждому случаю я научилась относиться с точностью и безразличием хирурга. Раз-два, и никаких эмоций. Мой девиз: только дело, ничего личного! Мне без разницы, какой замечательный или необычный у вас бизнес и сколько семейных историй с ним связано. Факт остается фактом: если вы не в состоянии оплачивать свои счета, наш банк в мгновение ока распродаст ваше имущество. Просто, как дважды два.

Мне нравится думать, что Артур выбрал меня из всех банковских служащих, поскольку уже тогда разглядел во мне некую искорку – свойство, каким не обладал никто из моих коллег. На самом-то деле я стала для него чем-то вроде куска пластилина. Я жила только работой, и из меня можно было лепить что угодно.

Артур помог отточить мои служебные навыки. За спиной многие называют его «палачом», поскольку он способен без малейших угрызений совести закрыть неприбыльный бизнес и пустить с молотка оставшееся имущество. Эмоции клиентов для него – пустой звук. Он и меня приучил смотреть на жизнь своими глазами. Наш отдел – самый успешный во всей компании. Мы отсекаем лишнее и получаем великолепные результаты.

Разумеется, далеко не все случаи требуют личного визита. Многие клиенты сами подписывают бумаги. Многие, но не все. Кое-кто предпочитает не отвечать на наши письма и игнорировать звонки. Эти люди стараются оттянуть неизбежное. Никто не хочет оказаться в неудачниках, и мне это чисто по-человечески понятно. Но жизнь есть жизнь.

Я пролиставала бумаги из верхней папки. Ателье Саманты. По документам о первом займе видно, что это моя ровесница. Родилась в 1975 году. Уже семь месяцев Саманта не платит по счетам. Другие документы удостоверяют, что эта женщина предпочитает игнорировать письма и звонки из банка.

– Придется нам нанести визит мисс Саманте. – В глазах у Артура появляется огонек. Теперь он похож на сыщика, который уже готов сцапать очередную жертву.

– Да, – вяло киваю я. У меня снова покалывают пальцы, а голова кажется тяжелой, как большая медная чаша, под весом которой напрягается все тело. Да что же со мной такое? Покалывание переходит в область головы, я как будто погружаюсь в другую реальность. Теперь моя голова напоминает воздушный шар, который парит над шеей. Надо бы обсудить с Артуром каждый из наших случаев, но я не могу. *Почему я этого не могу?* Сердце у меня начинает колотиться еще быстрее, и я невольно хватаюсь за край стула. Чувство онемения растекается уже по ладони, которую я уже практически не чувствую. *Опять то же самое.*

Я бросаю взгляд в сторону двери.

– Артур, – вырывается у меня, – такое чувство, что я отравилась, – для пущей убедительности я кладу руку на живот. – Ты уж меня извини.

Он пожимает плечами, а затем аккуратно складывает папки и передает их мне.

– Уже поздно, так что можем заканчивать. Почему бы тебе не посмотреть эти бумаги на выходных? Я отметил те из них, которые требуют особого подхода Джун Андерсен.

Я с трудом выдавливаю из себя улыбку.

– Конечно. Обязательно посмотрю.

* * *

К тому моменту, когда такси оказывается у моего дома, мне удастся хотя бы частично

восстановить контроль над телом. Онемение прошло. Осталось лишь легкое покалывание в левом мизинце. Забрав в вестибюле почту, я поднимаюсь на лифте на седьмой этаж и захожу в дверь с номером 703.

Мне вновь вспоминается тот ужасный учитель биологии, который вел у нас занятия в старших классах. Как правило, я получала хорошие оценки, но естественные науки давались мне с большим трудом. Один раз, когда я провалилась на экзамене, этот учитель подозвал меня к своему столу и заявил: «В свое время у меня училась твоя мать. Она тоже была не сильна в биологии. Тебе стоило бы заниматься с большим усердием, если, конечно, ты не желаешь пойти по ее стопам. Тебе что, хочется всю жизнь проработать за кассой в какой-нибудь продуктовой лавочке?» Я ненавидела этот его взгляд – высокомерно-снисходительный. Глаза у меня щипало от слез, но в тот момент я сдержалась и выплакалась позже. Если бы только мистер Кларк увидел меня сейчас! Мою головокружительную карьеру, мою шикарную квартиру (и плевать, что ипотеку мне теперь выплачивать до конца жизни!).

Да, у меня нет ни мужа, ни детей, ни собаки. Но много ли женщин моего возраста могут похвастаться тем, что приобрели в собственность квартиру на Манхэттене? С двумя спальнями, паркетными полами и окнами, выходящими прямо на Центральный парк.

Я бросаю пальто на мягкую скамеечку у входа – *вот вам, мистер Кларк!* – и кладу ключи на стеклянный столик у стены (на нем настоял мой дизайнер, но всякий раз, когда ключи звякают о поверхность стола, я проникаюсь к нему еще большей ненавистью). Пора разобрать почту. При виде знакомого почерка на одном из конвертов я невольно морщусь. С какой стати она снова пытается со мной связаться? Нам просто не о чем говорить. Я иду на кухню и швыряю конверт в мусорную корзину. Слишком поздно для «прости-меня-пожалуйста».

Я плюхаюсь на диван и просматриваю остальную почту. Счета, несколько журналов и открытка от Клэр, моей давней подружки из Сиэтла. С мужем Этаном и сыном Дэниелом они развлекаются в Диснейленде. «Привет из замка Золушки, – пишет Клэр. – Шлем тебе море тепла и солнечных улыбок!»

Все это, конечно, очень мило, но, если быть честной до конца, подобные сантименты для меня – все равно что нож в сердце. Я уже давно перестала ходить на свадьбы к подружкам, ограничиваясь отправкой разного рода подарков. Моя помощница заворачивает их в красивую бумагу и аккуратно перевязывает кучей ленточек. Гораздо проще поддерживать дружбу на расстоянии. Все довольны, и никто не страдает (особенно я). Единственный человек, с которым я общаюсь вне работы, – мой приятель Питер. Умный, добрый, красивый и ничуть не интересующийся женщинами. Но даже в этих отношениях инициатива всегда принадлежит ему – я никогда не звоню первой.

Под каталогом журнала мод лежит конверт от адвокатской конторы «Шерман и Уиллс». Я не из тех, кто пренебрегает официальными бумагами, и осторожно надрываю краешек. В конверте лежит стопка бумаг, к которой крепится листок с письмом:

Адвокатская контора «Шерман и Уиллс»

567 Мэдисон

Сиэтл, ВА 98101

Кому: Джун Андерсен

Тема: Завещание Руби Крейн

Дорогая мисс Андерсен, наверняка вы уже знаете о том, что ваша двоюродная тетьа Руби Крейн покинула этот мир. Примите мои глубочайшие соболезнования в связи с этой потерей.

Я замираю с письмом в руке. Руби? Покинула этот мир?

Нам было поручено заниматься ее волеизъявлением, и я рад сообщить, что ваша тетьа оставила вам все свое имущество, включая книжный магазин для детей «Синяя птица». В конверте вы найдете соответствующие документы. Подпишите их, пожалуйста, и верните моему помощнику Либби. Возможно, вы захотите сами приехать в Сиэтл, чтобы лично уладить все дела. Вам, должно быть, известно, что мисс Крейн долго болела перед смертью. Как бы то ни было, я не сомневаюсь, что возможность распорядиться магазином доставит вам не меньшее удовольствие, чем вашей тетье. Если вам потребуется моя помощь, обязательно обращайтесь.

С уважением,

Джим Шерман, адвокат.

Я кладу письмо на кофейный столик и ошеломленно качаю головой. *Руби умерла? Почему никто мне не сообщил?* Слезы наворачиваются на глаза – то ли от боли, то ли от негодования. Почему мама мне даже не позвонила? Развлекается, наверно, с новым приятелем, а до остального ей и дела нет. И все же гнев мой направлен не столько на нее, сколько на саму себя. Я так и не написала Руби. И не заехала к ней – была по горло занята делами. А теперь уже поздно. Руби больше нет.

Я с недоумением смотрю на пачку бумаг. Мы и правда были с ней близки – особенно в пору моего детства. И все же я не понимаю, почему она выбрала своей наследницей именно меня, а не маму или Эми, мою родную сестру. Эми. Как она отнесется к этому решению? Даже странно, что я не могу взять трубку и позвонить ей. В детстве у нас все было общим (за исключением отцов, но с ними мы попросту не встречались). Память услужливо подсовывает мне картинку: Эми с ее белокурыми, как у мамы, локонами, с пухлыми губками, от которых сходили с ума все окрестные мальчишки, и невинными голубыми глазами. Миновало уже пять лет с того неприятного случая, но при мысли о нем мне по-прежнему больно, и я спешу переключиться. Я вспоминаю те времена, когда мы с Эми были всего лишь розовощекими малышками, гулявшими рука об руку по дорожкам парка.

В оконном стекле мелькает мое отражение, и я внимательно в него вглядываюсь. Что же со мной случилось? Любознательная девочка со светлыми косичками, ни на минуту не расстававшаяся с книжкой, превратилась в женщину, у которой, как это ни печально, нет времени ни на семью, ни на книги. Я пытаюсь вспомнить, когда мне в последний раз приходилось разговаривать с Руби, и в ушах раздается ее голос. Она сама позвонила мне в прошлом году перед Рождеством. Сказала, что хочет устроить у себя в магазине рождественский ужин, с индейкой и домашними булочками. Совсем как в старые времена. Я так и не смогла вырваться, но она все-таки позвонила мне на Рождество. Мама и Эми уже были на месте: я расслышала, как они смеются где-то на заднем фоне, и тут же напряглась. Руби это сразу почувствовала.

– С тобой все в порядке, Джун? – спросила она.

– Да, – солгала я, – все в порядке.

– Я знаю, ты очень занята у себя в Нью-Йорке, – в голосе Руби слышалось неподдельное огорчение, – но я все-таки надеялась, что ты приедешь.

– Мне очень жаль, но у нас столько дел, что я вынуждена оставаться в городе, – сказала я, окидывая взглядом свою квартиру, которую даже не позаботилась украсить. Елка для одного человека показалась мне пустой тратой денег.

– Ты собираешься когда-нибудь приехать домой, Джун? – спросила Руби. В ее голосе прозвучали старческие нотки, ломкие и хрипловатые, и это напугало меня. Старость всегда казалась мне чем-то ужасным.

– Даже не знаю, – честно ответила я, утирая непрошеную слезу. По правде говоря, я вообще не знала, вернусь ли когда-нибудь в Сиэтл. Уезжая оттуда, я понимала, что покидаю этот город навсегда. Лора Уайлдер^[2] сказала однажды: «Дом – самое чудесное в мире слово». Но чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, что подобные сантименты не для меня.

Свое детство и юность я провела в Сиэтле. Наша маленькая семейка – мама, Эми и я – постоянно перебиралась с квартиры на квартиру. Надо отдать должное маме: она всегда без труда находила работу. Другое дело, что ей никогда не удавалось задержаться там надолго. Она торговала, работала официанткой, проверяла билеты в кинотеатре, но все это очень быстро заканчивалось. То она слишком часто сказывалась больной, то забывала про свою смену, то опаздывала, то что-нибудь еще... В конце концов она устроилась в маленький магазинчик прямо на нашей улице. Уж не знаю: то ли ей повезло с начальником, то ли она сделала выводы из собственных ошибок, но с тех пор ее больше не увольняли. В жаркие летние дни мы с Эми сидели на тротуаре напротив магазина и щелкали семечки. Мы разгрызали черные скорлупки и сплевывали шелуху в дренажную канаву у себя за спиной. С приходом покупателей автоматические двери разъезжались в стороны, обдавая нас прохладным от кондиционеров воздухом. В воздухе этом чувствовался аромат бананов и чего-то еще, не менее приятного.

Всю неделю мама усердно трудилась в магазине, а по выходным так же усердно развлекалась – с каким-нибудь очередным парнем по имени Марк, Рик или Мак. Многие из них играли на гитаре, и мама частенько отпрашивалась послушать их в какой-нибудь из городских баров. В такие дни мы с сестрой, стоя в дверях ванной, наблюдали за тем, как мама укладывает свои длинные волосы. Сначала она искусно подвивала их, а затем взбивала белокурые локоны и зачесывала их назад. Прическа щедро поливалась лаком для волос. Зеленые тени и розовые румяна превращали ее в настоящую красотку. Сбрызнувшись напоследок духами, она исчезала за дверью.

Сладковатый, мускусный аромат духов часами витал в воздухе после ее ухода. Этот знакомый запах утешал меня, когда на улице всюду бушевала гроза или когда задняя дверь поскрипывала от ветра. Уже в восемь лет я знала, что мне нельзя плакать: нужно было присматривать за сестрой, которой исполнилось всего четыре.

Забравшись на стул, я извлекала из шкафа пачку спагетти и коробку с сырной пудрой. Как все это готовить, я не знала, а потому варила макароны в сырном соусе наугад. Как-то раз я нашла в холодильнике кусок старого чеддера и тоже бросила его в эту смесь. В результате получилось малоаппетитное варево, которое мы с Эми все-таки съедали. Обычно я подавала наш ужин в кружках (тарелки грязной стопкой копились в раковине). Потом мы смотрели телевизор, пока Эми не начинало клонить в сон. Я помогала ей надеть пижаму, укладывала в постель и читала на ночь какую-нибудь книжку. Чего-чего, а книжек в нашем доме хватало – и все благодаря тете Руби. Если бы не она, мы бы и не узнали о тех мирах,

которые чудесным образом вмещались в нашу убогую квартирку. Мы спешили за Меделайн по улицам Парижа или готовили тыквенный пирог с Лорой из «Маленького домика в большом лесу». И каждый вечер я читала Эми ее любимую книжку: «Баю-баюшки, луна».

У меня она тоже была любимой. Мне нравилась детская комната с зелеными стенами и полосатыми занавесками, нравилось ощущение любви и тепла. Пожилая женщина (мать? бабушка? или тетя вроде нашей тетушки Руби?) преданно сидит у постели ребенка. Она не бросает его одного, как делает наша мама. Она просто сидит и вяжет, тихонько покачиваясь в кресле. А в комнате становится все темнее, и вот уже звезды осторожно заглядывают в окно. Сказка, да и только!

Руби ужасно не нравилось, как мама нас воспитывает. Долгие годы она даже не догадывалась, как мы живем на самом деле, поскольку мама многое от нее утаивала. Она бездумно разбазаривала те деньги, которые получала от Руби на нашу одежду и школьные принадлежности (Руби, хоть и небогатая по нынешним стандартам, всегда отличалась большой щедростью). Одно время она тратила их на выпивку и блузки всех мыслимых и немыслимых цветов. Как-то вечером, появившись на пороге нашего дома, Руби застала привычную для нас картину: мама спала в полном отрубеве у себя в спальне, а мы с Эми смотрели телевизор. Руби со слезами на глазах взяла Эми на руки и сжала мою ладошку. «Идемте, девочки, – сказала она. – Больше вы так жить не будете, обещаю вам».

В тот вечер она приготовила нам горячую ванну в своей маленькой квартирке над книжным магазином. Мама, трезвая и присмирившая, появилась лишь через два дня. Женщины спустились вниз, и объяснение, судя по всему, получилось очень горячим. С тех пор жизнь в нашем доме немного изменилась. Мама стала уделять нам больше внимания, а один раз даже сводила нас в зоопарк. Еще мы начали проводить больше времени с Руби в ее магазине. Мы оставались у нее на выходные и спали в ее квартирке пару дней в неделю. Это было замечательное помещение с кирпичными стенами и высокими потолками. Руби, по ее словам, терпеть не могла замкнутых пространств, поэтому свою собственную кровать она поставила в жилой части квартиры, а для нас с Эми устроила маленькую спальню. Мне там очень нравилось. У каждой из нас была своя кровать с чистым бельем и теплым одеялом. Меньше всего мне хотелось возвращаться домой: я жалела, что мы не можем навсегда остаться у Руби.

Она часами читала нам книжки и кормила разными вкусностями. Когда я думаю о «Синей птице», в моей душе поднимается странное волнение. Для середины сороковых Руби была своего рода первопроходцем: это ей принадлежит честь открытия первого на весь район детского магазина. Он появился на проспекте Саннисайд, в паре кварталов от Зеленого озера, и уже очень скоро стал городской достопримечательностью.

Я встаю и быстро направляюсь в спальню. Рука сама тянется к дверце шкафа. Здесь, в самом дальнем углу, притаилась коробочка, в которой хранятся мои детские сокровища: дневник, который я вела в возрасте от десяти до двенадцати; высохший букетик, подаренный мне Джеком Хэдли на выпускном балу; моя книга малыша, в которой мама удосужилась заполнить лишь пару страниц, и пачка детских книжек от тетушки Руби. В восемнадцать, уезжая из Сиэтла в колледж на Восточном побережье, я прихватила с собой единственный чемоданчик. Мне ужасно хотелось забрать свои книжки, все до единой, но мама ничуть не жаждала платить за пересылку – даже такую крохотную сумму. Ну а у меня тогда и вовсе не было денег. Вот и пришлось мне ограничиться лишь самыми любимыми. И первой из них стала «Баю-баюшки, луна».

Я осторожно вытаскиваю ее из коробки. Это полноценная книга в твердом переплете, ничуть не похожая на те маленькие книжонки в бумажных обложках, которые продают сейчас в магазинах. Я пролистываю страницы, и сердце у меня сжимается при мысли о том, как крохотные пальчики Эми тыкали в мышонка, прячущегося на каждой страничке. Искать его там было для нас нескончаемой забавой.

Я сажусь на пол и прислоняюсь спиной к высокой кровати. Скоро полнолуние, и луна за окном затмевает своим блеском даже огни города. Я не думаю о работе, которую мне предстоит сделать, и о папках, небрежно выложенных на обеденный стол. Я думаю о Руби, о Сиэтле и той жизни, которая осталась в далеком прошлом.

Я думаю о книжном магазине.

Глава 2

– Ты куда улетаешь? – слышу я в трубке недоверчивый голос Артура. Прошел всего день, а я уже сижу в такси, которое отвезет меня в аэропорт Нью-Йорка. Мой путь лежит в штат Вашингтон.

– В Сиэтл, – нервно повторяю я. – По семейным обстоятельствам. *Неотложным* обстоятельствам.

– Вот оно что! Значит, по семейным обстоятельствам. И что, кто-нибудь умер? В противном случае...

– Да, умер, – отвечаю я.

– Ясно.

– Послушай, – поспешно добавляю я, чувствуя, как мое сердце колотится все быстрее и быстрее. Я судорожно роюсь в сумке и достаю пузырек с таблетками, купленными буквально накануне. Я вытряхиваю оттуда синенькую пилюлю и запиваю ее одним глотком, благо бутылка с водой у меня в руке. – Я постараюсь не задерживаться, обещаю. Максимум неделя. Просто мне нужно уладить кое-что прямо на месте.

Такси уверенно лавирует в плотном потоке машин. Со всех сторон раздаются гудки. Небоскребы сияют неоновыми огнями. В Сиэтле мне будет недоставать напористой энергии Нью-Йорка. Другой вопрос: не вытягивает ли он при этом мою?

– Папки я оставила у Дженис, – добавляю я.

– Понятно, – отвечает Артур. Думаю, он удивлен не меньше моего, ведь за те одиннадцать лет, что я проработала в банке, я ни разу не позволяла себе ничего подобного.

– Я обязательно позвоню, – заверяю я, но Артур слишком ошеломлен, и я кладу трубку, так и не дождавшись ответа.

* * *

Легкий толчок возвещает о том, что мы благополучно приземлились в аэропорту Сиэтла. Я смотрю в окно на город, который покинула много лет назад. Солнце висит над самым горизонтом, озаряя серые дождевые облака. Что и говорить, знакомая картина.

Мой сосед, мужчина лет сорока, вздыхает с нескрываемым облегчением:

– Как хорошо вернуться домой!

– Да, – несколько неуверенно киваю я. На самом деле все шесть часов, проведенные в самолете, я только и размышляла над тем, правильно ли поступила. С одной стороны, в моих ушах звучал голос Артура, который откровенно намекнул на то, что я теряю завоеванные позиции. С другой, мне вспоминались слова доктора, который настоятельно рекомендовал мне «сбросить темп» и «взять отпуск». Но главной все же оставалась мысль о Руби.

Я машинально кладу руку на грудь, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

– Тоже живете в Сиэтле? – Голос соседа вытягивает меня из внутреннего диалога.

– Нет, – качаю я головой. – Жила когда-то. Давным-давно.

Он кивает и вытаскивает из-под сиденья свою сумку.

– Лучший город на земле. – Он с наслаждением расправляет плечи. – Чувствуете?

– Что именно? – в замешательстве переспрашиваю я.

– Здесь нет такого прессинга, который чувствуется в других городах, – поясняет он. – Только в Сиэтле можно ощутить настоящий покой.

Я вежливо киваю и напрочь забываю о его словах до тех пор, пока такси не высаживает меня перед книжным магазином. Вдохнув поглубже, я вдруг ощущаю тот самый покой, о котором толковал мне незнакомец в самолете. А может, это наконец-то подействовала таблетка от давления.

Магазин, на мой взгляд, мало изменился – разве что слегка постарел (как и я сама). На кирпичном фасаде облупилась штукатурка, а белые ставни явно нуждаются в покраске. Над дверью, впрочем, по-прежнему гордо красуется вывеска:

СИНЯЯ ПТИЦА

МАГАЗИН ДЛЯ ДЕТЕЙ

ОСНОВАН В 1946

Я вытаскиваю из сумки конверт, в котором лежит ключ. Адвокат не поленился передать его мне. Когда мы беседовали по телефону, он рассказал, что Руби долго болела перед смертью. Магазин не работал около полугода, а то и больше.

– Руби уже не справлялась с делами, – пояснил он. – Но она старалась держаться до самого конца.

При мысли об этом у меня что-то сжалось в груди. Пальцы рук снова закололо иголочками.

– Мисс Андерсен, – донесся до меня голос адвоката, – с вами все в порядке?

– Да. – Я принялась судорожно рыться в сумочке в поисках очередной таблетки от давления.

И вот теперь я вставляю ключ в медный замок и толкаю дверь, которая поскрипывает и позвякивает под моим напором. Мне тут же вспоминаются колокольчики, которые тетюшка Руби привязывала к дверной ручке, и на лице у меня появляется улыбка. Рождественские колокольчики, так она их называла. Руби всегда умела превратить обыденное в волшебное. Продолжая улыбаться, я закрываю за собой дверь и прохожу в старый магазин.

Мои каблучки постукивают по деревянному полу, а комната вдруг теряет ясность очертаний. Все дело, должно быть, в слезах, которые так некстати подступили к глазам. Вот стол тетюшки Руби, заваленный папками и бумагами. Здесь же, в опасной близости от телефона, высится стопка книг. Руби решительно отказывалась менять этот старый черный аппарат на более современный. Рядом со столом расположился кукольный дом в викторианском стиле. Наклонившись, я поднимаю крохотный диванчик, который случайно вывалился на пол. Мы с сестрой часами играли с ним в детстве, представляя тот волшебный мир, в котором у нас были собственные спальни и много красивой одежды. Но главное, что у нас была мама, которая никогда не бросала своих детей – то есть нас с Эми. Я смахиваю с крыши домика слой пыли и расставляю мебель в библиотеке по собственному усмотрению: диванчик справа, а столик слева. Так остается достаточно места для рождественской елки. Руби всегда украшала ее перчинками, которые собственноручно красила в красный цвет.

Я провожу ладонью по изумрудно-зеленой стене магазина. Оттенок сосновой хвои, так называла это Руби. Краска кое-где облупилась, но со стороны этого не заметно, потому что по стенам развешаны фотографии и картины в рамках. Корова, прыгающая через луну, висит бок о бок с черно-белым снимком Роальда Даля^[3], который подписал его для тети: «Маленьким посетителям этого магазина: никогда не переставайте мечтать».

Я решительно раздергиваю старые шторы в желто-зеленую полоску. Когда-то они выглядели на редкость роскошно, но со временем превратились в простые занавески, выцветшие от солнца и потрепанные по краям. Как-то раз тетушка Руби показала мне фотографию циркового шатра в оранжево-белую полоску. Он-то и натолкнул ее на мысль сшить такие шторы. Я щелкаю выключателем, и хрустальная люстра над головой силится разогнать вечерний мрак. Там явно не хватает лампочки (может, даже не одной). Надо будет поскорее вкрутить туда новые.

По черной лестнице я поднимаюсь в квартиру Руби, которая находится прямо над магазином. Благодаря голым кирпичным стенам и высоким потолкам это маленькое помещение выглядит как-то просторно и благородно. И хотя я знаю, что прошло уже несколько месяцев со смерти Руби, жилье не кажется опустевшим. Такое чувство, что она только-только позавтракала и пошла прогуляться у Зеленого озера. Тостер по-прежнему включен в розетку, на плите стоит чайник, а из крана тихонько капает вода.

Сквозь открытую дверь я разглядываю комнату, в которой когда-то ночевали мы с Эми. У стены, как и прежде, стоят две кровати. Фарфоровая лампа несет стражу на столике красного дерева. Я осторожно пробираюсь к постели Руби, прокладывая путь между грудой коробок и стопками книг, которые висят тут чуть ли не в мой рост. Кровать аккуратно застелена бархатным покрывалом малинового цвета. На покрывале ни единой складочки, будто хозяйка квартиры поджидала гостей. Моя рука скользит по мягкой ткани, порядком вытертой по самому центру: Руби частенько устраивалась прямо на постели с книжкой в руках. Она делала это едва ли не каждый вечер после пяти, когда закрывала свой магазин. Так она коротала время до ужина, за который садилась только в восемь.

Я смотрю на хорошо знакомую мне диванную подушку, и глаза у меня наполняются слезами. Когда мне было десять, я вышила на ней розу и подарила Руби на день рождения. И все эти годы она бережно хранила ее. Каждый день, просыпаясь и ложась спать, она первым делом смотрела на эту подушку. Интересно, вспоминала она при этом обо мне? Ну а сама я, так уж получилось, покинула Руби, как и все свое прошлое, когда уехала из Сиэтла. Сердце у меня сжимается от боли, и я не в силах больше сдерживать эмоции. «Ох, Руби», – всхлипываю я. Мой взгляд падает на ночной столик, на котором расположились шкатулка из красного дерева, наша с Эми фотография и овальный медальон на золотой цепочке. Руби все время носила его на шее. Мы с Эми частенько допытывались, что она прячет внутри, но Руби лишь загадочно улыбалась и повторяла: «Вот повзрослеете...» Но нам так и не довелось узнать, что же за тайны хранил этот медальон.

Я беру цепочку и застегиваю ее у себя на шее. Нет-нет, я не стану открывать медальон – я этого не заслужила. Я просто буду носить его, чтобы он все время напоминал мне о Руби. Сохраню его содержимое втайне от всех – и от себя в том числе.

Как и Руби, я прячу медальон под свитер и только тут замечаю конверт, лежащий на столике рядом со шкатулкой. «Для Джун», – написано на нем рукою Руби. Я опускаюсь на постель и открываю конверт.

Милая Джун,

если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых. Я чувствую, что конец недалек, а потому постаралась подготовить это место для тебя. Меня отправляют в дом престарелых. Меня – в дом престарелых! Можешь себе такое представить?

Я так и слышу при этом ее шутливый тон. На глаза вновь наворачиваются слезы.

Но откладывать больше нельзя, так мне сказали. Я привела в порядок кухню, а постель застелила чистым бельем. Прости, что пол в ужасном состоянии. Просто в эти дни мне трудно расставаться с прошлым, и я стараюсь сохранить все, как было раньше. Я буду только рада, если ты захочешь остановиться здесь. Чувствуй себя как дома. Да это и есть твой дом, Джун.

Этот магазин с самого начала предназначался тебе. Видишь ли, детка, у нас с тобой много общего во взглядах на жизнь и на жизненные ценности. Я знала это уже тогда, когда ты была совсем крошкой. Твоя сестра могла часами забавляться с куклами, ты же сидела у окна с книжкой в руках, с головой погружившись в эту волшебную реальность. Ты так же сильно любила книги, как и я. Надеюсь, ты и по сей день не утратила тягу к литературе и предвкушение все новых и новых открытий.

Что и говорить, я сильно расстроилась, когда ты уехала из Сиэтла. Но я понимала, что это необходимо: тебе нужно было расправить крылья и взлететь. И это тебе удалось. Жаль только, что ты не заглядывала время от времени домой, ведь я так сильно по тебе скучала.

Не сомневаюсь, что ты будешь любить наш магазин и заботиться о нем так же, как это делала я. Правда, перед тобой будет стоять нелегкая задача. Дети уже не читают книги запоем, как это было раньше. Боюсь признаться, но мне кажется, что любовь к книге умирает. Детская литература находится сегодня в критическом состоянии. Даже самые преданные мои читатели не способны устоять перед соблазном такой вещи, как Интернет. Два года назад ко мне частенько заглядывали мальчик Стюарт и его мать Джинни. Когда я начинала читать вслух, он слушал меня как завороченный. Было видно, что воображение открывает перед ним иную реальность. Но потом он стал приходить все реже и реже. А прошлым летом, когда мать снова привела мальчика в магазин, я сразу заметила, что искорка в его глазах угасла. Все, что его интересует в эти дни, пожаловалась мне Джинни, – это фильмы и видеоигры. Неудивительно, что книги уже не затрагивают его воображения, как это было раньше.

Я сделала все что могла. Все, на что была способна. И теперь я оставляю магазин в твоих руках. Что за детство без сказок и историй? И как смогут дети полюбить сказки без книжных магазинов? Компьютер тут не помощник.

Я знаю, будет непросто удержать «Синюю птицу» на плаву. Но я верю в тебя, Джун. Если кто и сможет спасти магазин, то только ты.

Я оставляю тебе этот замечательный магазинчик со всеми его секретами. А их тут, поверь, не так уж мало.

Как сказала однажды Беатрис Поттер^[4]: «Истинное блаженство состоит в том, чтобы сохранить детскую непосредственность, дополнив ее знанием и

здравым смыслом».

Именно это ты и найдешь здесь, мое дорогое дитя.

С искренней любовью,

твоя тетушка Руби.

Я со вздохом прижимаю письмо к груди. Она хочет, чтобы я спасла магазин. Но как?! Я живу и работаю в Нью-Йорке. Я не могу перебраться в Сиэтл. И мне не по силам спасти магазин.

В моих ушах раздается голос Руби: Конечно, по силам, детка.

И на какое-то мгновение я ей даже верю.

На следующий день я просыпаюсь в постели Руби в пять утра. По нью-йоркскому времени было бы уже восемь. Я тут же принимаюсь пилить себя за то, что поленилась и не встала вовремя. При других обстоятельствах я бы уже давным-давно была на ногах. На этот момент я бы успела пробежать шесть миль, принять душ и устроиться за рабочим столом с телефоном в одной руке и компьютерной мышкой в другой (каждое утро я начинала с просмотра почты).

Я быстро встаю, подгоняемая мыслью о собственной матери, которая любила спать допоздна. Допоздна – это до самого обеда. Мы с сестрой никак не могли ее разбудить. Обычно мы ложились рядом на постель и наблюдали за тем, как она дышит – просто чтобы убедиться, что она еще не умерла. После очередной вечеринки от нее обычно пахло вином и сигаретами. Частенько в постели с ней спал какой-нибудь мужчина, что нам с Эми дико не нравилось. Как-то раз мы взяли несмываемый маркер и нарисовали одному парню усы над верхней губой. Он проснулся с таким похмельем, что ничего не заметил, и молча скрылся за дверью. Больше мы его не видели, но я частенько представляла себе, как он ловит свое отражение в какой-нибудь из витрин, а потом пытается оттереть черную полосу. При мысли об этом я до сих пор начинаю хихикать.

На самом деле трудно винить маму в таком поведении. Ее собственная мать, старшая сестра тети Руби, умерла, когда маме было всего тринадцать. На тот момент Руби ни разу не встречалась со своими племянниками и племянницами, поскольку Люсиль, ее сестра, решительно возражала против подобных встреч. Это отчуждение между сестрами началось давным-давно, когда перед родителями девочек, людьми небогатыми, встала дилемма, кого из сестер отправить учиться. И выбор их пал на Руби.

Внезапная смерть Люсиль привела к тому, что моей маме пришлось самой заботиться о младших братьях и сестрах. Отец ее работал сутками напролет, так что от него почти никакой поддержки не было. Как-то раз я подслушала разговор между мамой и тетушкой Руби. «Я понимаю, Джанет, – говорила Руби, – что тебе не хочется быть матерью, ведь тебе с юных лет пришлось играть эту роль. Но у тебя две девочки, которые целиком и полностью от тебя зависят. Постарайся для них хотя бы немножко, ладно?»

В то время я часто размышляла об отношениях Руби с Люсиль. Мне казалось просто ужасным, что между сестрами может возникнуть стена отчуждения. И вот... то же самое случилось и со мной. Я невольно ежусь при этой мысли и тороплюсь переключиться на более насущные проблемы.

Часы на стене громко отсчитывают секунды, я одеваюсь для утренней пробежки. Футболка с длинными рукавами удачно дополняет спортивные брюки. Солнце уже взошло, и в окно мне хорошо видно, как над Зеленым озером клубится туман. Что ж, пришло время немного размяться.

Зашнуровав кроссовки, я спускаюсь по лестнице в магазин. Здесь меня встречает недовольное шипение радиатора. Я с улыбкой вспоминаю те зимние вечера, когда грела о него озябшие ладони.

Дверь привычно звякает, и я выхожу на улицу. Над головой пронзительно покрикивают чайки. Напротив находится магазин игрушек, у дверей которого стоит его хозяйка – с коробкой в одной руке и сумкой в другой. Я вежливо улыбаюсь, но женщина хмурится и

быстро исчезает в дверном проеме. *Странно. Может, правда она меня не узнала.* Руби частенько водила нас в этот магазинчик. Игрушки никогда не значили для меня так же много, как для Эми, но мне нравилось смотреть, каким счастьем озаряются глаза сестренки, когда она оказывается в окружении кукол Барби.

Стараясь не думать об этой нечаянной встрече, я начинаю потихоньку разминаться. Улица выглядит такой же, как и в былые времена. Вон там – хозяйственная лавка и кафе. Несколько человек уже потягивают за столиками утренний эспрессо. Напротив, как я уже сказала, магазин игрушек. На углу улицы – канцтовары. Мы с Эми покупали там наклейки на те монетки, которыми так щедро снабжала нас тетушка Руби. Единственным сюрпризом оказывается для меня итальянский ресторан, расположившийся по соседству с «Синей птицей».

Я разглядываю зеленый навес, на котором написано название этого местечка: «Антонио». Клетчатые скатерти на маленьких столиках, подсвечники в виде бутылок из-под «Кьянти». Кажется, постою я тут пару секунд, и смогу ощутить выплывающий из кухни запах чеснока.

Солнце, как это всегда бывает в Сиэтле, медленно всплывает над городом. Подышав на руки, чтобы согреть озябшие пальцы, я начинаю утреннюю пробежку. Первым делом я сворачиваю на улицу, которая ведет прямо к озеру. Мне она запомнилась скоплением прохожих, собак, детишек и велосипедов, но сейчас здесь царит абсолютная тишина. Только пробежит время от времени человек в спортивном костюме да мелькнет случайный велосипедист.

Пробежав первый раз вокруг озера, я захожу на вторую петлю. Влажный майский воздух приятно холодит лицо. Весна встречает меня обилием цветов: нарциссы, тюльпаны и какие-то незнакомые мне растения тянут вверх разноцветные головки. Малиновка в парке поклеывает ветку. При виде птички я невольно улыбаюсь: мне вспоминается то время, когда мы с сестрой нашли у озера птичье гнездо. Как замороженные разглядывали мы четыре голубых яичка, пока мимо не проехала мама в машине своего приятеля. Она помахала нам, приглашая устроиться на заднем сиденье. Перед тем как уехать, я пристроила гнездо на ветке соседнего дерева. Мы так и не узнали, уцелели ли наши птички: пару недель спустя, когда мы с Эми вернулись к озеру, гнездо оказалось пустым.

Завершив еще один круг, я присаживаюсь на скамейку перед лодочным домиком. Мои мысли вновь возвращаются к Эми. С сестрой мы не разговаривали уже пять лет, да мне и сказать-то ей нечего. Но я ненавижу это ноющее чувство, которое охватывает меня всякий раз, когда я думаю о ней. С какой стати мне тосковать из-за человека, который меня предал?

Какой-то мужчина выбирается из лодки на причал. Привязав ее, он смотрит в мою сторону и приветливо улыбается. Я быстро отворачиваюсь, после чего встаю и спешу по тропинке к ближайшей улице. У меня нет ни времени, ни желания на пустую болтовню. Краем уха я слышу, что мужчина шагает следом, и, когда мы останавливаемся на перекрестке, он снова улыбается мне.

– Приятный денек, – замечает он. Я украдкой окидываю его взглядом. Высокий, с темными, слегка выющимися волосами. На висках блестят капельки пота. Как и на большинстве местных парней, на нем красуются шорты до колен и мягкая фланелевая рубашка.

– Да, – сухо киваю я.

Миновал перекресток, мы оба направляемся в сторону Саннисайд-авеню, и на лице незнакомца вновь расцветает улыбка.

– Похоже, нам по пути, – кивает он на кафе Джо, которое находится как раз на углу.

– Видимо, так, – отвечаю я с некоторой опаской.

Он распахивает передо мной дверь, и я захожу внутрь, где меня окутывает аромат кофе и подогретого молока.

Я заказываю себе двойной американо, то же самое делает и мой спутник.

– Раньше я не встречал вас у озера, – замечает он как будто между прочим.

– Я тут не живу. Так... приехала в гости.

– Тогда добро пожаловать. – Он протягивает мне руку. – Меня зовут Гэвин.

– Джун. – Я осторожно сжимаю его ладонь. От нее исходит ощущение силы и теплоты, и я разжимаю руку чуть позже, чем следовало бы.

– Ну ладно, – поднимаюсь я с места, – приятно было познакомиться.

– Пойдите. – Он тоже спешит к двери. – Давайте я провожу вас... к вашему дому.

Я с улыбкой пожимаю плечами.

– Да тут совсем рядом. Моя тетя недавно умерла и оставила мне в наследство свой магазин, – киваю я в сторону книжного.

Видно, что Гэвин ошеломлен этим известием.

– «Синюю птицу»? – спрашивает он.

Я киваю.

– Вот оно что... я и не знал, что Руби умерла. Думал, она еще в доме престарелых. Это печальная новость. Искренне вам сочувствую.

– Спасибо, – говорю я.

– Наверняка она была о вас очень высокого мнения, раз оставила вам этот магазин, – продолжает Гэвин. – Если не ошибаюсь, он работает уже лет пятьдесят?

– Больше. Этой осенью ему исполнится шестьдесят пять.

Я отдаю себе полный отчет в том, что к осени, при удачном стечении обстоятельств, я навсегда распрощаюсь с магазином. Конечно, это не то, чего бы мне хотелось. Но единственное, что способно хоть как-то оправдать себя с финансовой точки зрения, – продать это место застройщику. А уж он-то использует его по полной. Разумеется, я не собираюсь сообщать об этом Гэвину. Пока что я никому не хочу говорить о своих планах. Но я – реалист и прекрасно понимаю, что не смогу содержать книжный магазин. Я не могу позволить себе разбрасываться. Надо забыть про письмо тетушки и сделать так, как я поступаю у себя на работе: если бизнес дает крен, с ним нужно расстаться.

– А я – хозяин этого итальянского ресторанчика, – замечает Гэвин. – Того, что по соседству с вами.

– Замечательно, – киваю я.

– Вы могли бы отметить у нас юбилей вашего магазина. Конечно, если вам захочется это сделать.

Я вежливо улыбаюсь в ответ. То ли это обычное проявление любезности с его стороны, то ли попытка заключить выгодную сделку.

– Мне нравится итальянская еда, – замечаю я с некоторой нервозностью. – Но я не уверена... видите ли, надо еще столько сделать...

– Если вам что-то потребуется, – улыбается он, – то вы знаете, где меня найти.

– Спасибо. – Я торопливо поворачиваюсь к входной двери в магазин.

Закрыв за собой дверь, я опускаюсь в одно из серых кресел, которые стоят у окна. Как в детстве, я обхватываю колени руками и бросаю взгляд на ряды книжных полок. И перед глазами у меня тут же всплывает страница из прошлого.

Вот тетушка Руби, седые волосы которой аккуратно подстрижены до плеч. На лице красуются очки в темной оправе. Она до сих пор очень привлекательна – в таком утонченно-литературном стиле. Руби пытается заинтересовать Эми книжкой, правда, без особого успеха. Эми года четыре (может, и пять). У нее по-детски пухлые щечки и веселые хвостики на голове. Она в платишке и вязаных колготках, которые порвались на одной коленке. Эми прижимает к себе куклу с желтыми волосами и грязным пятном на щеке. Руби открывает перед ней «Там, где живут чудовища»^[5]. Забавная книжка, как и сама Эми. Я уже привыкла к тому, что сестра часто капризничает и у нее все время меняется настроение. Даже мама боится ее. Я думаю так, потому что всякий раз, когда Эми заливается слезами, мама только что в обморок не падает от расстройства.

Эми решительно отталкивает книжку, но Руби не оставляет попыток заинтересовать ее. Она открывает перед сестренкой страницу, на которой нарисован маленький мальчик. Он ужасно вел себя с мамой и потому отправился спать без ужина. Эми это должно быть понятно, поскольку прошлым вечером мы тоже не ужинали. Утром, когда мама высадила нас перед книжным по пути на работу, нам обеим ужасно хотелось есть. Руби накормила нас сэндвичами с арахисовым маслом, и мне показалось, что ничего вкуснее я в жизни не ела.

– Хочешь, я почитаю с тобой? – говорю я Руби, когда сестренка сбегает к кукольному домику. – Эми не очень-то любит книжки, – добавляю я с виноватой улыбкой.

Руби торжественно открывает лежащую у нее на коленях книгу.

– Она непременно полюбит их со временем, – говорит тетушка. – Даже не сомневаюсь. Ну что за жизнь без историй?

Теперь-то я понимаю, что она имела в виду, и сердце у меня падает при мысли о том, что я уже не помню, когда читала в последний раз; не помню, когда погружалась в тот воображаемый мир, который так увлекал меня когда-то. Если бы об этом узнала тетушка Руби, она точно пришла бы в ужас.

Я вновь вспоминаю ее прощальное письмо. Руби упомянула в нем о каких-то тайнах. *Я оставляю тебе этот замечательный магазинчик со всеми его секретами. А их тут, поверь, не так уж мало.*

Что это за секреты? И почему она хочет, чтобы я их узнала?

Руби мало рассказывала о своей личной жизни. Насколько мне известно, она ни разу не влюблялась. И хотя мужчины не раз проникались к ней чувством, она предпочитала держать их на почтительном расстоянии. Я снова бросаю взгляд на книжные полки, и в этот момент, подмигнув на прощание, перегорает еще одна лампочка у меня над головой.

«Руби, что я должна тут найти?» – произношу я вслух.

Внезапно мне приходит в голову упоминание о Беатрис Поттер. Попетляв между шкапами, я останавливаюсь у полки, на которой стоит несколько томиков Поттер. Я вытаскиваю старое издание «Сказки о кролике Питере», и оттуда с шелестом выпадает пожелтевший конверт. Письмо адресовано Руби. В строке обратного адреса указано: «М.У.Б, 69 Банк-стрит, Нью-Йорк».

Я вынимаю из конверта несколько исписанных листков и всматриваюсь в незнакомый почерк.

1 февраля 1946 г.

Дорогая Руби,

я очень по тебе скучаю. Весна уже близко, я чувствую это всем своим существом. Представляю, как чудесно выглядит Сиэтл, когда крокусы только начинают пробиваться из холодной земли. Вчера в Ист-Виллидж я обнаружила целую полянку этих цветов (правда, немного потоптанных). Я собрала небольшой букетик и поставила его в вазочке на подоконник, но уже к вечеру он завял. Жаль, что всему хорошему в этой жизни рано или поздно приходит конец.

Я так рада, что нам удалось сохранить нашу дружбу. Если уж на то пошло, мы и подружались-то по чистой случайности, когда ты была моей ученицей в группе литературного творчества. До сих пор с ужасом вспоминаю всех этих учителей из колледжа «Дана Холл». Сама я никогда не вписывалась в их компанию. Даже не знаю, с чего вдруг я решила попробовать счастья в преподавании? Должно быть, под влиянием матери. Все мои практические поступки – результат ее внушений. Счастье еще, что я познакомилась в этом колледже с тобой, а то точно умерла бы там от скуки.

Мы еще поклялись тогда, что в случае если нам удастся пережить этот год (тебя донимали нудные занятия и тоска по дому, меня – попытки самоутвердиться в качестве профессионала), то сядем на пароход и поплывем в какое-нибудь экзотическое место. Например, на Мадагаскар (а можно ли, кстати, доплыть туда на пароход?). Пожалуй, именно в этом я и нуждаюсь сейчас больше всего. Пора уже сменить обстановку – может, хоть это позволит мне оживить мою музу. Нью-Йорк в последнее время навевает на меня только тоску. Уж очень здесь все серьезные.

Точно, мне нужно отправиться в путешествие. Если уж не на Мадагаскар, то хотя бы в Сиэтл. Я уже не первый год обещаю тебе приехать. Может, этим летом мне удастся наконец вырваться?

Ты мне гораздо ближе, чем моя родная сестра. В детстве мы с Робертой были не разлей вода, но когда повзрослели, наши пути разошлись. Дети и замужество стали смыслом ее существования. Не могу сказать, что она выставляет это напоказ, но в глубине души, я думаю, она не одобряет моего образа жизни. Мы уже не смеемся при встречах, а разговоры наши сводятся к самым банальным вещам. Боюсь признаться, но Роберта, похоже, становится копией нашей матери.

А как ты, ладишь с сестрой или не очень? Ты почти не упоминаешь о ней в своих письмах. На следующей неделе я пригласила Роберту к себе на обед – не хочу окончательно рвать родственные связи. Потом расскажу тебе, как все прошло. Она из тех, кто не одобряет спиртное, так что придется мне спрятать на время свою коллекцию ликеров.

Если говорить о работе, то у меня, как это ни печально, начался застой. Я судорожно хватаюсь то за одну идею, то за другую, но всякий раз, когда мне кажется, что я уже близка к цели, все исчезает в мгновение ока. Мое вдохновение как капризный крольчонок, который исчезает за ближайшим углом, оставляя меня с пустыми руками.

Странная ситуация, что и говорить. Многие считают – и вполне справедливо, – что я уже сделала себе имя. Я успела опубликовать десятки детских книжек (и еще больше находится в работе). Казалось бы, я должна чувствовать удовлетворение от достигнутого. Так нет же, ничего подобного. Хочется верить, что лучшая история у меня еще впереди. Другое дело – и в этом моя главная проблема, – что я не могу знать этого наверняка. А вдруг я ошибаюсь?

Поверь, я не собираюсь донимать тебя своими проблемами. Просто рада, что могу хоть с кем-то поговорить о своей работе.

На прошлой неделе я получила письмо от матери. Она спрашивает, как у меня сейчас с финансами. Узнала, должно быть, о том, как я потратила свой последний чек. Что ж, покупка целой тележки с цветами была не самым разумным из моих решений, зато никогда еще у меня не было такой роскошной вечеринки. Как жаль, что ты этого не видела! Я усыпала ковры лепестками роз и белых лилий, а свободные места выстелила орхидеями. А в раковине одно время высилась целая охапка роз! Можешь себе представить?

Что ж, живем мы только раз. Этим все сказано.

У меня новый кавалер. Красивый, богатый, а во фраке так просто неотразим. Не могу сказать, впрочем, что он так уж много для меня значит. Мы замечательно смотримся в паре друг с другом, но на этом, пожалуй, все и заканчивается.

Как поживает Энтони? Если я когда-нибудь соберусь написать роман, это будет история о вас двоих – такая печальная и в то же время волнующе прекрасная. Расскажи мне, что у вас нового, а то я просто умираю от любопытства. Поверь, я буду с жадностью поглощать каждое твое слово.

Твоя Брауни.

Я спешно дочитываю последние строки. Брауни. М.У.Б. Сгорая от нетерпения, я спешу наверх и вытаскиваю из сумки свой ноутбук. Что у нас тут с беспроводным Интернетом? Есть один слабый сигнал: «WiFi ресторана “Антонио”». Вряд ли тот парень, с которым я познакомилась сегодня утром, будет возражать, если я воспользуюсь его сетью. Пароля на Интернетe нет, и я быстро открываю Гугл. Глядя на письмо, я набираю в поисковой системе «М.У.Б», «Брауни» и «69 Банк-стрит». Результат превосходит все мои ожидания. Судя по всему, тетюшка Руби была близкой подругой известной писательницы Маргарет Уайз Браун^[6], перу которой принадлежат «Баю-баюшки, луна», «Как зайчонок убежал» и сотни других детских сказок. Руби никогда не упоминала об этой дружбе – но почему? И зачем она вставила в свое письмо цитату из Беатрис Поттер? Чтобы направить меня на верный след?

Я тут же вспоминаю, как тетя Руби каждый год устраивала для нас с Эми поиски пасхальных яиц. Она прятала их под полками и за книгами, и каждое яйцо сопровождалось подказкой, которая вела нас к новой цели.

Без сомнения, у нее была важная причина оставить мне это письмо. Я спускаюсь вниз и начинаю записывать на полку «Кролика Питера», как вдруг замечаю внутри что-то необычное. Оказывается, я проглядела второе письмо – на этот раз от Руби к Маргарет.

8 февраля 1946 г.

Дорогая Маргарет,

ты даже представить себе не можешь, каким утешением стало для меня твое письмо. Так радостно сознавать, что я – не единственная в этом мире, кто чувствует себя порой белой вороной. Как и я, ты пытаешься всеми силами приспособиться к окружающей действительности и от этого становишься мне только дороже. Если мы не в состоянии оставаться собой среди друзей, то как вообще мы сможем понять, кто мы такие?

Или взять, к примеру, наших сестер. Оказывается, у нас с тобой даже больше общего, чем мы предполагали. Мои отношения с Люсиль иначе как ледяными и не назовешь. Денег у наших родителей едва-едва хватало на то, чтобы дать образование только одной из нас, и они выбрали меня. Я всегда была книжным червем, тогда как Люсиль часами забавлялась с куклами. И выбор их был очевиден: Руби надо отправить в школу, а Люсиль оставить дома. Разумеется, сестра простила родителей (упокой, Господи, их души), но так и не смогла простить меня. Я чувствую это всякий раз, когда нам приходится встречаться.

Моя сестра, как и твоя, предпочла жизнь домохозяйки. Она вышла замуж и обзавелась детьми, отдавая все свои силы заботам о семье. Ей нравится такая жизнь, и я за нее искренне рада. Жаль только, что она не в силах порадоваться за меня. Похоже, я всегда буду вызывать у нее одно лишь недовольство. Она заглянула ко мне на прошлой неделе и пришла в неопиcуемый ужас при виде того, что у меня дома нет ни кофе, ни чая, ни чего-нибудь съестного. Надо сказать, что я обычно покупаю сэндвич по дороге с работы и съедаю его прямо в трамвае. Люсиль заявила, что я веду «примитивный» образ жизни. Подумать только, примитивный!

Да, Люсиль меня порядком раздражает, но я стараюсь не забывать о том, что когда-то мы были с ней по-настоящему близки. А вдруг нам когда-нибудь удастся восстановить эту связь? И почему только отношения с сестрами должны перерасти в такую проблему! Я уверена, что если бы мы с тобой были родственниками, то никогда бы не спорили из-за подобной чепухи. Обязательно напиши, как пройдет твой обед с Робертой, хорошо?

Ты спрашиваешь меня об Энтони, и я с готовностью переключаюсь на эту тему. В самой мысли о нем есть что-то волшебное. Трудно представить, что прошло уже два месяца с тех пор, как мы встретились с ним в книжном магазине, где я сейчас работаю. В прошлом письме я вкратце описала тебе нашу встречу, но сейчас напишу обо всем подробнее – тем более что это доставляет мне такое удовольствие!

По своему обыкновению, я была в детской секции – разбиралась там с подборкой книг, которая могла бы быть и более значительной (но об этом в следующий раз). В этот момент в магазин вошли Энтони и его дочь Мэй. Сначала я заметила ее: девочку в изящном розовом пальтишке и стильных кожаных

перчатках. Ее волосы вились темными кудряшками. А потом я подняла голову и увидела Энтони.

Не знаю, Брауни, как бы поточнее описать это тебе, но в тот момент, когда наши взгляды встретились, мир словно бы замер в своем вращении. Потом заговорила его дочь, и все опять стало как раньше.

– А у вас есть «Жалкий маленький щенок»?^[7] – спросила Мэй. Даже по тону было заметно, что эта девочка привыкла находиться в центре внимания.

– Да. – Я проводила ее к полке, на которую незадолго до этого выставила несколько новых томиков. – Прошу, – вручила я ей один из них.

– Папа, – обратилась она к мужчине, – я сяду и почитаю, а ты пока займись покупками.

– Хорошо, Мэй, – ответил он, вновь поворачиваясь ко мне.

Так мы и стояли в окружении детских книжек, даже не зная, с чего нам начать.

Когда же мы заговорили, то сделали это одновременно.

– Я – Энтони Магнусон, – представился он.

– А я – Руби Крейн.

Разумеется, я уже слышала это имя. В нашем городе все знают семейство Магнусонов. К их числу принадлежит немало известных политиков, бизнесменов и общественных деятелей. Но Энтони не очень-то вписывался в эту категорию. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что мы с ним родственные души. Мы все говорили и говорили – главным образом о книгах (Энтони тоже любит читать), пока не вернулась Мэй.

Вот, собственно, и все. Мы расстались, а дальнейшее, я думаю, ясно тебе и без слов. Я пораспрашивала знакомых и выяснила, что Энтони женат на особе из высшего света, Виктории Герхардт Магнусон. Если люди не врут, то денег у нее больше, чем у самого Господа Бога. Собственно говоря, ее состояние и спасло Магнусонов от финансового краха. Думаю, поэтому-то Энтони и женился на ней. Если верить слухам, союз их во многом был тщательно подготовленной сделкой.

Девушка, которая работает в нашем книжном, как-то раз доставляла Виктории покупки. Та отнеслась к ней с ледяным высокомерием и даже спасибо не сказала. На мой взгляд, из Энтони и Виктории такая же пара, как из кошки с собакой. Она – жесткая и холодная, он – добрый и мягкий. Боюсь, он ужасно несчастлив в этом браке, но кто я такая, чтобы вмешиваться? В конце концов, он клялся своей невесте перед алтарем.

И все же, когда Энтони заходит в магазин, я становлюсь сама не своя от счастья. Стыдно сказать, сколько раз за день я с надеждой смотрю в сторону открывающейся двери. Надо отдать ему должное, он старается приходить как можно чаще – и с Мэй, и один. Больше всего мне нравится, когда он заглядывает к нам один прямо посреди рабочего дня (его офис – а он владеет мануфактурной компанией – находится в паре кварталов от магазина). Его дочка явно унаследовала характер матери и общается с ним в приказном тоне: «Папа, мне нужно это» или «Папа, я хочу то». И все же я сочувствую бедняжке. Похоже, она ужасно несчастна, несмотря на все свое богатство. Если бы я могла хоть как-то достучаться до нее, выказать ей интерес и симпатию, на которые так скупа ее

мать, может, она бы и изменилась.

Ах, Маргарет, как бы мне хотелось, чтобы все было иначе! Что ни говори, а такого, как Энтони, мне уже не найти. Даже в моменты наших кратких встреч в магазине меня не покидает ощущение, что я знаю этого человека всю свою жизнь.

Но, как ни крути, а все упирается в его брак с Викторией. Во вторник вечером любопытство мое пересилило: надев пальто, я поехала на трамвае к дому, где живет Энтони. Ты даже представить себе не можешь всю роскошь этого места – она буквально бьет через край. И все же нетрудно понять, что дом этот – дело рук Виктории, а не Энтони. Сам бы он ни за что не поселился в таком особняке.

В зале ярко горел свет, и в окно я увидела Викторию. Для меня стал полной неожиданностью тот факт, что женщина эта по-своему очень привлекательна: резкие черты лица, черные как смоль волосы. На фоне ее изысканного наряда моя скромная юбка показалась мне совсем невзрачной.

В этот момент в комнату вошел Энтони. Он положил руку жене на плечо, и в моей душе все оборвалось: нестерпимо было видеть, как он прикасается к ней. Тут-то я и поняла, что влюблена в него без оглядки.

Ничуть не удивлюсь, если ты осудишь меня или вовсе проникнешься презрением. Да, я люблю женатого мужчину. Ну вот, я все тебе рассказала.

Не знаю, что из этого получится и получится ли вообще что-нибудь. Но я чувствую, что влюбляюсь все сильнее и сильнее. Боюсь, и с Энтони происходит то же самое.

Надеюсь, я не успела измучить тебя своими признаниями. Ах, Маргарет, твой ум всегда преобладал над чувствами к мужчинам. Как бы мне хотелось, чтобы и я могла контролировать свое сердце!

Ладно, пора заканчивать. Завтра моя очередь открывать магазин, так что я должна встать пораньше.

Ах да, Мадагаскар – это здорово! А Сиэтл еще лучше.

С любовью, Руби.

P.S. Я в восторге от того, что ты потратила весь свой чек на цветы. Просто счастье, что я могу называть тебя своей подругой.

Слезы застилают мои глаза, мешая прочесть последние строки. Выходит, Руби была влюблена, а я об этом ничего не знала, даже и не подозревала. Вдобавок у Маргарет и у нее тоже не складывались отношения с сестрами. Меня в чем-то можно уподобить Люсиль. Как и она, я страдала из-за предательства сестры. Другое дело, что Руби не умышленно задела чувства сестры. Чего не скажешь о той же Эми. В моей душе вновь закипает застарелый гнев. Гнев и печаль, что я потеряла человека, который был мне очень дорог. Ладно, это дело прошлое. Руби и Маргарет пытались хоть как-то примириться с сестрами, но я на это никогда не пойду. Иногда приходится накрепко запереть за собой дверь и выбросить ключ.

Подгоняемая любопытством, я вытаскиваю с полки еще несколько книг, но безрезультатно. Никаких писем там нет. Я начинаю обшаривать нижнюю полку, и в этот момент до меня доносится звяканье колокольчиков. Неужели я не заперла дверь?

– Эй! – Я быстро поднимаюсь на ноги. – Кто там?

Это Гэвин, и я испытываю мгновенное облегчение.

– Прости, – говорит он, – я вовсе не хотел тебя напугать.

В руках он держит пару бумажных пакетов, от которых исходит аромат чеснока и базилика.

– Я подумал, что ты могла проголодаться, и принес тебе кое-что перекусить.

Я бросаю взгляд на часы и только тут понимаю, что время уже подошло к полудню, а во рту у меня не было ничего, кроме чашки кофе.

– Спасибо. – Я выбираюсь из-за полка на свободный пяточок. Про письма я совсем забыла и теперь спешно прячу их в карман.

Гэвин оглядывается в поисках места, на которое можно было бы поставить еду, но не находит ничего лучше, кроме детского столика, возле которого стоят такие же миниатюрные стульчики.

– Как тебе? – улыбается он.

– Нормально, – улыбнувшись в ответ, я усаживаюсь на крохотное сиденье. Гэвин делает то же самое, и мы, глядя друг на друга, хохочем.

Гэвин открывает первый пакет и передает мне одну из тарелок. За ней следует салфетка, в которую завернуты вилка, ложка и нож.

– Надеюсь, тебе нравится паста путанеска, – замечает он.

– Моя любимая, – улыбаюсь я. – Как это ты угадал?

– Когда дело доходит до еды, я становлюсь телепатом. – Гэвин успел переодеться, и теперь на нем белая рубашка и синие джинсы. – Мне достаточно увидеть человека, чтобы подобрать для него идеальную пищу.

– Неужели? – хмыкаю я.

– Конечно. Сегодня утром, у озера, ты выглядела немного грустной. В такой ситуации я предложил бы тебе спагетти аль помодоро.

– Спагетти аль помодоро?

– Именно, – кивает он. – Нет ничего лучше спагетти, когда нужно поднять кому-то настроение. Ну а путанеска – это для новых начинаний.

Я аккуратно разворачиваю салфетку, а Гэвин окидывает взглядом магазин.

– А вот если бы ты пришла и сказала, что у тебя был плохой день, что ситуация вышла из-под контроля, я предложил бы тебе болонский соус.

Я снова не смогла сдержать улыбку.

– А как насчет более запутанных случаев?

Я вспоминаю о тетушке Руби, которая, судя по письму, вполне могла оказаться с разбитым сердцем. Еще я вспоминаю о событиях пятилетней давности, когда пострадала я сама.

– Как насчет разбитых сердец?

– Это посложнее, – замечает Гэвин. – Но тут, как подсказывает опыт, нет ничего лучше баклажанов.

– Баклажанов? – смеюсь я.

– Самый удачный вариант, – торжественно кивает он.

Я с улыбкой наблюдаю за тем, как он накладывает мне пасту, а затем берусь за вилку.

– Очень вкусно. – Я говорю это совершенно искренне. – Ты сам готовишь или занимаешься только административными вопросами?

– Мы с моим партнером занимаемся всем понемногу. Готовим, обслуживаем столики, ну и так далее, – улыбается Гэвин. – Это неизбежно, когда ты – мелкий собственник.

Я киваю, а в моей памяти всплывает маленький итальянский ресторанчик, который я вынуждена была недавно закрыть. Его хозяин, как и Гэвин, был мастером на все руки. Он как раз чинил дверцу духовки, когда я ступила на порог, вооруженная кипой банковских документов.

– Тогда передай мои комплименты шеф-повару, – говорю я, отбрасывая неприятные воспоминания.

Лицо у Гэвина на мгновение становится мрачным, но вскоре вновь озаряется улыбкой.

– Так что ты планируешь сделать с этим местечком?

Я внутренне морщусь, представляя, как местные воспримут новость о продаже магазина. Так и вижу эти заголовки в газетах: **НЬЮ-ЙОРКСКИЙ БАНКИР УНАСЛЕДОВАЛА ВСЕМИ ЛЮБИМЫЙ МАГАЗИН И НАВСЕГДА ЗАКРЫЛА ЕГО ДВЕРИ.**

– Я... ну...

– Пожалуй, его стоило бы немного обновить, – поднявшись, Гэвин проводит рукой по соседней полке.

– Да, я...

– Я мог бы помочь, – продолжает он. – У меня в подвале тонны инструментов. Нам пришлось полностью отремонтировать здание, прежде чем мы смогли открыть ресторан. Так что я дока в этом деле.

– Спасибо, – благодарю я. – Но я пока не очень представляю себе, какие переделки тут потребуются.

Но Гэвина мысль о переделке магазина воодушевляет все больше и больше.

– Нужно будет обновить книжные полки, – замечает он, – снять их и как следует отполировать. Кое-где покрасить стены... Ах да, поменять стойку – и магазин вновь станет, как новенький.

Я не решаюсь сказать ему о том, что все его планы совершенно ни к чему. Что в скором времени я позвоню в грузовое такси и найму человека за восемь долларов в час, чтобы тот закинул в машину все эти книжки и отвез их в местную библиотеку. А все, что нельзя будет раздать, отнесут на свалку.

На свалку. От этого слова наследство тетушки Руби тускнеет на глазах. Что бы она сказала, если бы узнала о моих планах? Я почти вижу, как она похлопывает по медальону, который – я совсем об этом забыла! – висит теперь на моей шее. Я нервно кручу золотую цепочку.

– Готов предположить, что это место значит для тебя очень много. – Слова Гэвина возвращают меня к действительности. – Ты же тут выросла, не так ли?

– Да, – ошеломленно отвечаю я. – А как ты узнал?

– Догадался. Твоя тетя могла оставить магазин только тому, кому он дорог так же, как и ей. Вдобавок, – усмехается он, – ты больше похожа на жительницу Сиэтла, а не Нью-Йорка.

На самом деле странно слышать такое. Нью-Йорк изменил меня: сделал жестче, энергичней. Неужели он этого не замечает?

– Получается, ты хорошо знаешь оба эти типа?

– Можно сказать и так, – улыбается Гэвин.

Интересно, Руби была знакома с этим человеком? И что она о нем думала?

– Ты хорошо знал мою тетю? – спрашиваю я.

– Да так, совсем немножко, – отвечает он. – Мы пробыли здесь всего год. Руби закрыла магазин где-то через полгода после того, как мы с Адрианной открыли ресторан. Ей все здесь очень сочувствовали, поскольку понимали, какая это для нее трагедия. Но Руби уже не справлялась с делами. Лилиан и Билл убедили ее в том, что ей лучше перебраться в дом престарелых.

Я чувствую угрызения совести. Я могла хотя бы позвонить, но так и не позвонила. Мое сердце начинает биться быстрее, и я делаю несколько глубоких вдохов. Таблетки наверху, так что придется принять их попозже.

– Лилиан и Билл – это хозяйева кукольного магазина? – Я вспоминаю взгляд, которым наградила меня при встрече Лилиан.

Гэвин кивает.

– Видишь ли, Руби получила серьезную травму.

Я в ужасе прикрываю рот ладонью.

– Я привык заглядывать к ней по вечерам, просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке, – продолжает он. – В один прекрасный день я зашел в магазин, но не заметил Руби у письменного стола. Откуда-то из задней части дома до меня донесся слабый крик. Я бросился туда и увидел, что она лежит у подножия лестницы, с которой упала еще утром. Я тут же позвонил в «Скорую», и ее отвезли в больницу. Через несколько месяцев, подлечившись, она вернулась домой, но к тому времени в ней что-то изменилось. Это было заметно по ее взгляду. Я помог ей кое-что переставить в магазине. У Руби были свои представления о том, где должна находиться та или иная вещь, – Гэвин отстраненно смотрит в сторону письменного стола. – Мне трудно это объяснить, но она, похоже, знала, что жить ей осталось совсем немного.

Я промокаю салфеткой уголки глаз.

– Прости, – говорит он. – Я не хотел тебя расстраивать.

– Все в порядке, – быстро отвечаю я. – Просто я очень ее любила, и... Надеюсь, она об этом знала.

– Конечно, знала, – Гэвин ободряюще кладет руку на мое плечо.

– Жаль, что я не выбралась сюда до того, как... – Я поднимаю голову, и взгляды наши встречаются.

– Но ты же теперь здесь. – Он кивает головой на потолок. – Я уверен, Руби только порадуется тому, что ты сделаешь для ее магазина.

– Конечно, – вздрагиваю я и нервно хватаю кусок хлеба.

– Я так понимаю, что ребенком ты проводила тут немало времени?

Я киваю.

– Наша мама, она... словом, она все время была занята, и мы с сестрой подолгу жили у тети.

– Так у тебя есть сестра? А где она живет, в Сиэтле?

– Да, она живет здесь, но мы... – Я устало качаю головой. – Мы уже давно не разговариваем.

Улыбка сползает с его лица, а во взгляде появляется странная печаль.

– Представляю, как тебе нелегко. Что у вас случилось?

– Видишь ли, – нервно улыбаюсь я, – это долгая история, а мне еще нужно как следует поработать...

– Прости, – он встает из-за стола, – я не хотел быть назойливым.

– Все в порядке, – говорю я, – но это и правда долгая история. Как-нибудь в другой раз, хорошо?

– Конечно, – собрав тарелки, он направляется к двери. – Если захочешь погулять у озера, я охотно составлю тебе компанию.

Я невольно улыбаюсь, поскольку подобная прогулка представляется мне не чем иным, как пустой тратой времени. В моей жизни нет места нецелесообразному. Именно поэтому мои утренние пробежки больше напоминают спринт. Но Гэвин смотрит на меня с выжидательной улыбкой, и я вспоминаю, что люди в Сиэтле привыкли жить в другом, более медленном темпе. Я вспоминаю, что когда-то и я была одной из них.

– Ах да, прогулка, – говорю я. – Пожалуй, неплохая мысль.

Он машет мне на прощание рукой и закрывает за собой дверь. Колокольчики Руби рассыпаются привычным звоном, и звон этот долго еще стоит у меня в ушах.

Я бросаю взгляд на часы с кукушкой и вижу, что время близится к половине пятого. Весь день я рылась в ящиках Руби в поисках новых писем. За окном уже смеркается, а я так ничего и не нашла. Надо будет поменять лампочки в люстре, иначе скоро я вообще не смогу ничего разглядеть в такой темноте.

Кое-что, впрочем, мне удалось-таки обнаружить. К примеру, набор фарфоровой посуды, а еще – часы Картье, которые остановились, должно быть, еще в незапамятные времена. И еще старомодный красный купальник, аккуратно завернутый в белую бумагу. Я представляю его на Руби и невольно улыбаюсь, но в дело тут же вмешивается практическая сторона моей натуры: в винтажном магазине за этот кусочек ткани можно получить неплохую цену.

Тем не менее мои мысли постоянно возвращаются к переписке между Руби и Маргарет. Маргарет Уайз Браун. Неужели моя тетушка была доверенным лицом женщины, которая по праву заслужила славу замечательной детской писательницы? Да уж, Руби явно умела хранить секреты. Перспектива новых открытий наводит меня на мысли о том, что стоило бы повременить с продажей магазина – по крайней мере до тех пор, пока я не найду всех писем. Это не мешает мне, впрочем, проверить финансовое состояние магазина и обдумать парочку планов на будущее. Надо выяснить, кто из застройщиков работает в этом районе, и назначить несколько встреч.

В магазине становится все прохладнее, и я бросаю взгляд в сторону старого камина. Руби зажигала его с октября по апрель, а иногда и в начале мая. На этот случай у нее всегда хранился приличный запас дров. Я выхожу на улицу и сворачиваю за дом. Здесь, под карнизом, висит целая поленица. Такое чувство, что Руби незадолго до своего ухода сделала очередной заказ. И предназначался он для меня.

Я с улыбкой вытаскиваю полено, но уже в следующий миг быстро поворачиваюсь, заслышав за спиной какое-то движение. В тупичке никого не видно, и все же меня не покидает чувство, что я тут не одна. «Эй!» – окликаю я срывающимся голосом. В ответ – тишина, и лишь где-то вдалеке пронзительно мяукает кот.

Я окидываю взглядом темные углы. Никого. Тогда я выхватываю еще парочку поленьев и спешу назад в магазин. Здесь я останавливаюсь только для того, чтобы запереть за собой дверь. На каминной полке лежит коробок спичек. Здесь же висит стопка газет. Самая верхняя помечена 7 января 1963 года. Крупный заголовок гласит: СЕМЕЙСТВО МАГНУСОНОВ ПОЖЕРТВОВАЛО 1 МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ НА НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Я комкаю газету и запикиваю ее под полено в камине, после чего зажигаю спичку и наблюдаю, как пламя, перекинувшись на дерево, начинает жить собственной жизнью. Полено трещит и шипит, и в этот момент меня озаряет идея.

Жалкий маленький щенок. Ну конечно! Именно эту книжку упомянула Руби в своем последнем письме. Если я найду ее, то там, возможно, окажется еще парочка писем.

Я спешу к полкам и начинаю искать книгу, которую читала еще ребенком. «Пятеро щенков вырыли под забором дыру и отправились на прогулку в этот необъятный мир». Я невольно улыбаюсь. Вот и я, как те самые щенки, отправилась на прогулку в необъятный мир и при этом слегка заблудилась по пути. Целый час я безуспешно роюсь в книгах и уже готова сдать, как вдруг пламя камина озаряет золотистый корешок на одной из верхних полок. Вот оно, шепчет мне внутренний голос.

Я подкатываю к полке лестницу, вспоминая о том, как в детстве я любила кататься на ней от одной стены к другой. Стоило Руби подняться за чем-нибудь наверх, как мы с сестрой принимались по очереди катать друг друга на этой громоздкой конструкции. Тетушка делала вид, будто не догадывается о наших шалостях, хотя лестница гроыхала так, что не услышать ее было невозможно.

Я протягиваю руку и снимаю с полки заветную книжку. «Жалкий маленький щенок». Единственный экземпляр. Между страницами и правда что-то лежит. Я открываю книгу и извлекаю оттуда два пожелтевших конверта.

Вновь устроившись у огня, я принимаюсь за первое письмо – от Маргарет к Руби.

22 февраля 1946 г.

Дорогая Руби,

ты даже представить не можешь, как я рада твоему письму. Оно стало для меня единственным лучиком света на этой неделе, которую иначе как ужасной не назовешь. Итак, с чего же начать?

Ты знаешь, я приглашала на обед свою сестру Роберту, чтобы хоть как-то сгладить те болезненные противоречия, которые никак не дают нам покоя. Ну а Роберта, в свою очередь, использовала этот час для того, чтобы просветить меня насчет моего «образа жизни». Почему я не желаю выходить замуж, спрашивала она. Почему я не обзаведусь семьей? Почему не перестану якишаться с этими ужасными представителями богемы? В действительности все это сводилось только к одному: почему я не стану такой, как она? Но я не желаю быть такой, как она, о чем не преминула тут же заметить. Как ты догадываешься, мои слова были приняты не слишком благосклонно. Схватив сумку и пальто, Роберта бурей вынеслась из моей квартиры. Что и говорить, я чувствую себя просто отвратительно. Я не желаю, чтобы нашим отношениям пришел конец, но мне хотелось бы дожить до того дня, когда мы с сестрой примем друг друга безо всяких оговорок – она в своем правильном, домашнем мирке, и я со своей привычкой поступать, как вздумается. Должно быть, нечто похожее ты чувствуешь в отношении Люсиль. Остается надеяться, что в один прекрасный день мы сможем принять и простить друг друга с той любовью, которая связывала нас в далеком детстве.

Один иллюстратор, который работает в нашем издательстве, пожаловался мне недавно на свое одиночество. И я не придумала ничего лучше, как подарить ему щенка. Маленького терьера. Но у парня, судя по всему, не было опыта общения с собаками, поскольку этот простофиля оставил щенка одного, и бедный песик описал ему иллюстрации к новой книге. А потом он еще и прогулялся по ним своими лапами. Словом, парню придется начинать работу заново, и винит он в этом не кого-нибудь, а меня.

Ладно, все это уже в прошлом. Но я теперь воздержусь от каких-либо подарков иллюстраторам.

На этой же неделе – как будто визита Роберты было недостаточно! – ко мне в гости пожаловала матушка. Ей не терпелось поговорить со мной о моем замужестве. Ну, скажи, что может быть неприятнее темы брака и замужества? Мама заявила, что не спит ночами, переживая из-за своей

незамужней дочери, которая сутками напролет «болтается по городу». Я налила ей стаканчик шерри и посоветовала уgomониться, но на нее это не подействовало. Она продолжила меня терзать. Тогда я заявила, что если мне вдруг и приспичит выйти замуж (чего, надо сказать, я совсем не планирую), то она узнает об этом первой. Мои слова ее немножко успокоили, пусть и на время.

Ну как я могу выйти замуж, воочию наблюдая тот ужасный брак, который соединял моих родителей? Я чувствую в глубине души, что замужество ведет к одним лишь несчастьям (по крайней мере, когда речь заходит о таких, как я). Люди заглядывают в нашу жизнь на какое-то время, а затем наступает момент разлуки. Все мои романы были на редкость недолговечными, и мне это даже нравится (по крайней мере, так я говорю себе). Если честно, Руби, я сама хотела бы уверовать в то, что ты написала обо мне. Хотелось бы думать, что я и правда не подвержена тем страданиям и безумствам, которые несет с собою любовь. Но в глубине души я понимаю, что это не так.

И все же я предпочту броситься в холодную реку, чем обручусь с каким-нибудь парнем. Что может быть ужаснее, чем принадлежать другому человеку? Это все равно что стать чьей-то собственностью. Давай пообещаем друг другу, что никогда не выйдем замуж! Мы будем с тобой как две одинокие тростинки, гордо возвышающиеся посреди шумного потока воды. Пусть других сметает в реку жизни, мы же сами будем определять свое существование. Ну, как тебе моя мысль?

Вся беда в том, что люди стали относиться к себе слишком серьезно. На шутки все смотрят исключительно свысока. Ну а я со своими нью-йоркскими друзьями организовала то, что сами мы называем «Обществом пустоголовых». Это такая умора, Руби, ты даже не поверишь! Жаль, что ты не можешь побывать на наших собраниях. Я, как президент, наделена правом объявлять любой день Рождеством. В этом случае один из нас готовит жаркое и рождественский пудинг. В общем, веселимся от души! Я записала тебя почетным членом, так что ты вполне можешь подыграть нам.

Теперь о серьезном. Будь поосторожнее с этим Энтони Магнусоном. Боюсь, он уже претендует на твое сердце, но ты ни в коем случае не отдавай его! Знаю по собственному опыту, что вернуть его потом будет непросто.

Я по-прежнему думаю, что мне надо бы уехать куда-нибудь из Нью-Йорка. В последнее время я чувствую себя не на своем месте, как те птенцы из книжки «Дорогу утятам!»^[8]. Вчера на Пятьдесят седьмой меня едва не сбила машина. Я так испугалась, что выронила рукопись в грязную лужу. Ох, Руби, видела бы ты меня в тот момент! Я упала на колени и безудержно разрыдалась. Я редела бы так целый день, если бы не один старичок. Он помог мне подняться и предложил чистый платок. Боюсь, что рукопись погибла безвозвратно. К счастью, я всегда держу в голове запасной вариант!

Есть еще кое-что, чем бы мне хотелось поделиться с тобой, но пока что у меня нет на это ни сил, ни времени. Я должна все как следует обдумать и только потом выплеснуть это на бумагу.

Ну а до тех пор счастливого тебе Рождества,

твоя Брауни.

Я кладу письмо и помешиваю кочергой угли в камине. На улице успел подняться ветер: я слышу, как он грохочет карнизами и бьется о дверь. Интересно, почему Маргарет не пожелала открыть Руби свой секрет? Размышляя об этом, я беру второе письмо и начинаю читать.

7 марта 1946 г.

Дорогая Брауни,

ты здорово озадачила меня своим последним письмом. Не сомневаюсь, что в должное время ты откроешь мне свой секрет, но до тех пор я буду сгорать от любопытства. Пока же позволь выдвинуть парочку предположений. Теория № 1. Невзирая на всю твою критику в адрес мужчин и нежных чувств, я готова заподозрить, что ты в кого-то влюбилась. Может, в одного из ваших иллюстраторов? Если не ошибаюсь, в прошлых письмах мелькнуло имя Грегори. Впрочем, судя по тону твоего последнего письма, это не самая удачная из догадок (хотя тебе уже случалось удивлять меня прежде). Теория № 2. Ты заболела. И тут мне остается лишь пожалеть, что ты не захотела сразу сообщить мне об этом. В любом случае я уповаю на то, что здоровье у тебя в порядке и ты не подвержена никаким недугам. № 3. Ты с головой ушла в новую книгу. Дай бог, чтобы все так и оказалось!

Мне больно слышать, как относятся к тебе твои близкие. Если бы моя мать не умерла так рано, она тоже наверняка разочаровалась бы во мне. Другое дело, что от сестер мы ожидаем большего. Мы вместе прокладывали путь в этом неласковом мире, а это значит, они должны быть на нашей стороне. Так почему же они обращаются с нами как с врагами? По крайней мере, Роберта еще разговаривает с тобой. Люсиль же в последнее время попросту игнорирует мои звонки. Стоит ей услышать мой голос, как она вешает трубку. На прошлой неделе я написала ей письмо, в котором излила свою сердечную боль. Я даже извинилась за свое образование, которым, как она считает, я обязана ей. Ради сохранения нашей родственной связи я забыла о гордости, поскольку не хочу жить в мире, в котором сестры становятся друг другу чужими. Теперь мне остается лишь ждать и надеяться.

Я много думала над тем, что ты написала мне по поводу брака. Не хотелось бы тебя разочаровывать, но если бы Энтони Магнусон сказал мне, что разводится с Викторией, я без раздумий бросилась бы к нему в объятия. Я бы отсчитывала мгновения до того момента, когда смогу стать его невестой. И это, поверь, чистая правда.

Да, Брауни, я люблю этого мужчину. Похоже, я окончательно потеряла голову. Боюсь даже, что я люблю его слишком сильно. Но и он ко мне неравнодушен – это видно по тому, как он смотрит на меня. Возможно, его чувства не так сильны. Что ж, он человек занятой, да еще и женатый. Но мне плевать: я готова удовольствоваться даже крохотным уголком в его сердце. Он по-прежнему частенько заглядывает ко мне на работу. Однажды я поделилась с ним своей мечтой. Сказала, что хотела бы открыть собственный книжный

магазин. «Ну так возьми да открой!» – заявил он. Пришлось немного разочаровать его, рассказав о том, что не каждому деньги сыплются под ноги, как, например, Магнусонам.

На прошлой неделе он попросил меня поужинать с ним в городе. Разумеется, я согласилась, хотя меня и пугала мысль о том, что наша дружба может выйти за рамки магазинных встреч. В шесть часов, когда закончилась моя смена, Энтони прислал за мной машину. Ну и странно же было ехать на заднем сиденье в полном одиночестве! Шофер все время поглядывал на меня в зеркальце, но мне было все равно: мысль об Энтони удерживала меня наверху блаженства. Когда машина остановилась перед рестораном, он уже ждал меня у входа в стильном костюме и при галстуке. На этом фоне мое скромное платье показалось мне еще невзрачнее. Но Энтони заявил, что выгляжу я просто превосходно, и меня убедили не столько его слова, сколько то, как он при этом посмотрел на меня.

За ужином мы только и делали, что говорили. Энтони рассказал мне о том, как ребенком он чуть не утонул в озере Вашингтон. И теперь он поддерживает благотворительный фонд, который учит плавать детишек из бедных семей. А я рассказала ему о своей мечте побывать в Париже и прочесть детям книгу на вершине Эйфелевой башни. «Нашим детям?» – спросил он, лукаво улыбнувшись.

Я знаю, что он просто шутил и ничего больше, но в тот момент я едва не растаяла от счастья. Вечер удался на славу. Но я встревожилась, когда к нашему столику приблизилась какая-то пара. Они с любопытством взглянули на меня, и я подумала, уж не друзья ли это Виктории. В таком случае ей скоро станет известно о нашей встрече. Но Энтони, казалось, ничуть не обеспокоился, и я тоже махнула рукой на свои страхи.

Брауни, доводилось ли тебе встречать человека, с которым бы ты чувствовала себя как дома? Вот что я ощущаю в присутствии Энтони. Я могла бы закутаться в его улыбку и проспать в полной безмятежности не одну тысячу лет.

У меня сердце разрывается при мысли о том, до чего он несчастен в своей семье. Ему глубоко безразлично то богатство, которое так ценит его жена. Представляешь, она каждый год путешествует в Европу и возвращается оттуда с целым ворохом нарядов от Шанель. А на следующий год она просто выбрасывает эти платья. Не раздает, а именно выбрасывает. По словам Энтони, она настаивает именно на этом. Должно быть, ее раздражает сама мысль о том, что ткань, которую она носила, будет касаться чужой кожи. Как тебе подобные капризы?

Не знаю, почему бы ему в таком случае не развестись? Конечно, он не может не беспокоиться из-за дочери, хотя Мэй, судя по всему, унаследовала характер матери: девочка тоже вечно чем-то недовольна. На самом деле, я думаю, все упирается в деньги. Богатство Виктории спасло ту компанию по недвижимости, которой владеет отец Энтони. Вдобавок они используют эти средства для своих благотворительных фондов. Если он уйдет от жены, то всему этому, без сомнения, придет конец.

Не знаю, что будет с нами дальше. Наша дружба (если это можно так назвать) не вписывается в рамки общественных условностей. Я знаю только, что

никогда не встречала такого мужчину, как Энтони. И я намерена продолжать это восхитительно-пугающее странствие, даже если все закончится моим разбитым сердцем.

В то время как я пишу тебе эти строки, в Сиэтле уже наступила ночь. С моего места на диване хорошо видна луна, пробивающая себе путь в облаках. Знаешь, тебе стоило бы написать о луне какой-нибудь детский стишок. Сама подумай, как бы ни складывалась наша жизнь, какие бы радости или горести ни встречались на нашем пути, луна каждый вечер поднимается на небосклон, чтобы поприветствовать нас своим светом. Для меня в этом есть что-то на редкость утешительное.

Ах, Брауни, ты сама сказала, что тебе нужно уехать из Нью-Йорка. Так почему бы тебе не заглянуть в Сиэтл? Прошу, приезжай в гости! Ты могла бы остановиться у меня, и мы бы немножко подбодрили друг друга. Я бы тебя рассмешила, а ты бы поведала мне новую историю – рассказала бы о том, что у моей сказки еще будет счастливый конец.

С нетерпением жду от тебя письма,

Твоя Руби.

Я задвигаю каминную решетку и поднимаюсь наверх, в маленькую квартирку. С удобством устроившись у окна, я смотрю на небо и размышляю о том, что только что прочитала. Слова письма крутятся у меня в голове, как пузырьки в бокале с шампанским. *Сестры*. Руби ценила свою сестру превыше всего, даже превыше собственной гордости. Она прямо об этом сказала: *Ради сохранения нашей родственной связи я забыла о гордости, поскольку не хочу жить в мире, в котором сестры становятся друг другу чужими. Теперь мне остается лишь ждать и надеяться.*

Насколько мне известно, Руби действительно ждала и надеялась, однако в итоге ее поджидало горькое разочарование. По словам моей мамы, смерть Люсиль потрясла Руби до глубины души, тем более что сестры не разговаривали к тому моменту уже несколько лет. Я представляю, как Руби стоит над гробом Люсиль – гробом чужого ей человека, если уж на то пошло. Вот оно, последнее прощание. Потом я представляю на месте Люсиль Эми. В своем воображении я оказываюсь на похоронах сестры, и мои глаза невольно наполняются слезами.

Вздыхнув поглубже, я возвращаюсь к реальности. Нет, у нас с Руби разные ситуации. Мои отношения с Эми нельзя уподобить ее отношениям с Люсиль. Не желая даже думать на эту тему, я переключаюсь на более важный момент. Неужели это моя тетушка натолкнула Маргарет Браун на мысль написать книжку о луне? Это же настоящее литературное открытие! Забавно, что такой секрет много лет хранился в книжном магазине. Целое сокровище, которое тетушка щедро позволила мне раскопать.

На небе сегодня ни облачка, и луна за окном – как яркая картинка, на которую явно не поскупились раскрасить. Я вспоминаю строки из письма Руби и думаю о тех временах, когда сама смотрела на небо в мечтах о другой, более счастливой жизни.

В этот момент до меня доносится шум машины. Перед магазином притормаживает темный внедорожник. Медленно опускается тонированное окно. Я вижу вспышку фотокамеры, и уже в следующее мгновение машина трогается с места и исчезает за углом.

Наутро я просыпаюсь от назойливых телефонных трелей. Солнце, судя по всему, только что вошло и висит теперь над самым горизонтом. Лучи его бьют в окно с такой силой, что я невольно зажмуриваюсь.

– Алло? – сонно выдыхаю я в трубку.

– Джун?

– Мама?

– Где ты? – спрашивает она. На заднем плане я слышу шум самолета. Похоже, мама и ее новый бойфренд собрались в путешествие.

– А где ты? – интересуюсь я с легким раздражением.

– Мы с Рэндом в аэропорту, – бодро отвечает она. – Хотим отдохнуть пару деньков в Вегасе.

Рэнд. Даже не знаю, имя это или прозвище. Может, сокращенное от Рэнди или Рэндольф. Уточнить я, во всяком случае, не намерена.

– Понятно, – говорю я. Не сказать, чтобы у нас с мамой были такие уж теплые отношения, но мы, по крайней мере, разговариваем. Она звонит мне раз в пару месяцев и шлет открытки к Рождеству и дню рождения. Мне этого вполне достаточно, хотя маму это вряд ли устраивает. Но я уже давно поняла, что могу выносить ее лишь в малых дозах.

– Ма, я в Сиэтле.

– В Сиэтле? – Ее голос теряет привычную беспечность.

– Да, – говорю я.

– Так ты у Руби?

– Да.

– Ох, Джун... Стало быть, ты знаешь...

– Что она умерла? Да, знаю.

– Я хотела сообщить тебе, детка. Правда хотела. Но я...

– Не стала беспокоить себя подобными пустяками? – Я даже не пытаюсь скрыть подступившее раздражение.

– Не говори так. Я правда собиралась обо всем рассказать, но потом...

– Потом ты решила подождать, пока эту новость мне сообщит ее адвокат?

– Адвокат?

– Именно. Руби завещала мне свой магазин. Ну и все остальное.

– Ясно, – говорит мама. По голосу ее трудно понять, расстроена она или просто удивлена.

– Мне нужно разобрать ее вещи, прежде чем решить, что же мне с этим всем делать.

– Ты хочешь продать магазин? – спрашивает мама. – Джун, возможно, тебе...

– Пока что не знаю. То есть да, скорее всего я его продам. Я не могу оставаться в Сиэтле.

В Нью-Йорке у меня работа, налаженная жизнь.

Не сказать, чтобы это была такая уж полноценная жизнь, но я не собираюсь объяснять это маме – особенно теперь, когда я пытаюсь оправдать перед ней свое решение.

– Я могла бы помочь тебе, – говорит мама с неожиданной настойчивостью. – Я думаю, магазин должен остаться в семье. И Эми так думает.

Я тут же вскипаю от гнева. Она же обещала никогда не упоминать при мне имя сестры!

– Какое ей дело до магазина? – Щеки у меня пылают. – Я сама решу, как мне лучше поступить.

– Не забывай, Эми тоже любит «Синюю птицу». И она ужасно по тебе скучает, – тихо добавляет мама. – Может, пора уже прекратить эту бессмысленную вражду? Вы же сестры.

Я вспоминаю Руби и Люсиль, Маргарет и Роберту. Мне бы очень хотелось проникнуться к своей сестре похожими чувствами. Но мне это недоступно. Вот если бы я могла перевести стрелки часов назад, чтобы стереть ту жгучую боль и обиду!

– Нет, – наконец произношу я. – Нам не о чем с ней разговаривать, и ты это прекрасно знаешь.

– Люди меняются, Джун. Жаль, что ты не хочешь этого замечать.

– Меняются? Ерунда.

– Ты и сама изменилась, – говорит мама после секундного молчания.

На мгновение я теряю дар речи.

– Порой мне кажется, что я совсем тебя не знаю, – продолжает она. – Нью-Йорк сделал тебя жестче.

Да какое она имеет право так разговаривать со мной? Можно подумать, она когда-нибудь меня знала!

Слышно, как объявляют посадку на самолет.

– Это наш рейс, – говорит мама. – Ну все, нам пора. Как только вернусь, сразу загляну к тебе.

Не нужно, хочется мне сказать, но я успеваю вовремя прикусить язык.

– До свидания. Желаю вам выиграть джекпот, – говорю я и спешно выключаю телефон.

Я вновь чувствую странную тревогу – совсем как в Нью-Йорке. Вытащив из сумки пузырек с лекарствами, я глотаю таблетку, после чего включаю ноутбук. Для человека, который привык проверять почту раз в четыре минуты, я на удивление расслабилась. За все время, что я провела в Сиэтле, я ни разу не подумала о работе! Я захожу в ящик и вижу, что там уже скопились письма. Некоторые из них в знак первоочередности помечены красным флажком. Я открываю верхнее, и сердце у меня тревожно сжимается. Это от Артура:

КОГДА ТЫ ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ НА РАБОТУ? – А.

По правде говоря, я купила билет в один конец, поскольку понятия не имела, как долго мне придется разбираться с наследством. Я-то надеялась управиться быстро, где-нибудь за неделю, но оказалось, что все не так просто. Будущее магазина, тайны Руби, мои воспоминания – все смешалось в одну кучу. Я жму на кнопку «ответить» и печатаю:

ОСТАЛОСЬ УЖЕ НЕМНОГО. К ВЫХОДНЫМ БУДУ ЗНАТЬ ТОЧНЕЕ. ПОСТАРАЮСЬ ДЕРЖАТЬ ТЕБЯ В КУРСЕ. – ДЖУН.

Я нажимаю кнопку «отправить» и чувствую, как у меня вновь поднимается давление.

Надев кроссовки и прихватив куртку, я выхожу на улицу. Пора немного размяться. В соседнем ресторане еще не зажгли свет. Я быстро отворачиваюсь, заметив в витрине собственное отражение. Я надеялась увидеть Гэвина и при мысли об этом чувствую странную неловкость. На пробежке вокруг озера я вновь утверждаюсь в своем намерении поскорее разобраться с имуществом Руби. Я составлю список и распишу все по разным категориям. Так я поступаю в тех случаях, когда распродаю чье-либо имущество в интересах

банка. Я найму рабочих, чтобы погрузить все в машины. Я найду хорошего покупателя. Словом, я разберусь с этим затруднением.

Пробежав вокруг озера пять миль, я перехожу на шаг, чтобы отдышаться, а потом присаживаюсь на скамью. Отсюда мне хорошо видна утка, которая пробирается к воде через заросли тростника. Она важно шествует по берегу, а за ней спешат шесть крохотных пушистых комочков. Последний утенок меньше своих братьев и сестер, и ему трудно угнаться за остальными. В какой-то момент он теряет их из виду и тревожно оглядывается по сторонам. Мне хочется помочь ему, перенести к матери-утке. Я поднимаюсь на ноги, но в эту секунду откуда-то из кустарника выскакивает большая крыса. Она хватается утенка, и оба в мгновение ока исчезают в густой траве.

«Нет! – кричу я. – Не смей! Оставь утенка!» Меня охватывают ужас и чувство беспомощности. Мне снова девять лет, и я стою рядом с Эми над заброшенным гнездом малиновки, гадая о судьбе несчастных птенцов. Я окидываю взглядом берег и только тут понимаю, что не я одна наблюдала за этой трагедией. Утка тоже знает, что сейчас произошло.

Поднимаясь от озера к перекрестку, я все время размышляю об увиденном. Я думаю про птичье гнездо и исчезнувшие яйца, про утку и ее птенцов. В мире всегда будут крысы и утята, хищники и их жертвы. А еще – банки и разорившиеся компании. И люди вроде меня, которые, как крысы, будут хватать причитающуюся им добычу. Это естественный цикл, но сейчас мне не очень нравится то место, которое я в нем занимаю.

Раскрасневшаяся и измученная, прохожу я мимо ресторана «Антонио». Дверь слегка приоткрыта, и до меня доносится аромат чеснока и каких-то приправ. Должно быть, Гэвин уже на месте. «Эй?» – заглядываю я внутрь.

Не дождавшись ответа, я захожу в ресторан. Помещение радует глаз насыщенной отделкой стен и изящно расставленными столиками. У бара – широкая деревянная стойка, за которой могут усесться человек шесть. И все же комната выглядит маленькой и уютной, и я сразу проникаюсь к ней симпатией.

Очаг позади стойки топится дровами, и я чувствую свежий запах вишневых веток. С кухни доносится грохот, как будто там уронили что-то железное. Затем дверь открывается, и на пороге появляется Гэвин. Увидев меня, он широко улыбается. На белом полотенце, которое свисает с его пояса, краснеют пятна помидорного сока.

– Привет, – говорит он. – Прости, что заставил ждать.

– Нет, нет, я только что зашла. Я возвращалась с пробежки и решила заглянуть сюда, чтобы поздороваться.

[Купить полную версию книги](#)

«Баю-баюшки, луна» – книга для детей автора Маргарет Уайз Браун. В англоязычных странах считается культовой. *(Здесь и далее примечания редактора.)*

Лора Инглз Уайлдер (1867–1957) – американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения «Дикого Запада».

Роальд Даль (1916–1990) – английский писатель норвежского происхождения, автор романов, сказок и новелл, поэт и сценарист. Его рассказы знамениты своими неожиданными концовками, а детские книги – отсутствием сентиментальности и часто – черным юмором. Обладатель многочисленных наград и премий по литературе.

Беатрис Поттер (*Элен Беатрикс Поттер*, 1866–1943) – английская детская писательница и художник.

«Там, где живут чудовища» – детская книга с картинками американского писателя и художника Мориса Сендака (1928–2012).

Маргарет Уайз Браун (1910–1952) – американская детская писательница.

Книга американской детской писательницы Джанет Себринг Лори (1892–1986).

«Дорогу утятам!» – детская книга с картинками американского писателя Роберта Маккроски (1914–2003).